АЛЕКСАНДР ШАПИРО

Загадки старых мастеров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кто был первым поэтом в истории человечества? В чём тайна улыбки Джоконды? Кто изображён в центре Сикстинской капеллы? Что означают слова «Коня! Коня! Всё царство за коня!»? Как Андрей Рублёв подписал «Троицу»? Что поёт «Лютнист» Караваджо?

Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдёте в книге Александра Шапиро «Загадки старых мастеров».

- Загадки старых мастеров
  -
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть 3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Заключение
    - От автора

Загадки старых мастеров
Александр Шапиро

© Александр Шапиро, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1
Ур, Лесбос, Рим

Глава 1
В начале

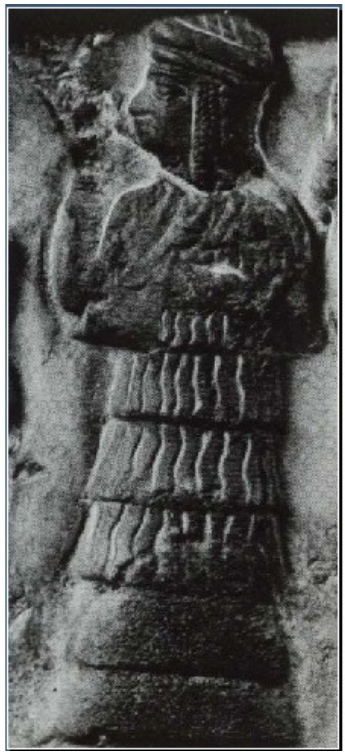
Размышления о поэзии мы начнём со слов того, кто в ней понимал.

> *«Подразделение литературы на поэзию и прозу началось с появлением прозы, ибо только в прозе и могло быть произведено.»*
>
> *Иосиф Бродский*

Эта эффектная, хотя и не вполне логичная фраза — первое предложение эссе Иосифа Бродского «Поэт и проза». Нелогичность этой сентенции приводит к любопытному вопросу: кем был самый первый литератор — прозаиком или поэтом?

Этот каверзный вопрос не вполне корректен, поскольку первым литератором в истории человечества была поэтесса. Звали ее Энхедуанна. Она жила в Месопотамии около 42 столетий тому назад и была верховной жрицей божества Луны в шумерском городе Ур. Эта на первый взгляд очень даже поэтичная должность на самом деле была должностью в значительной степени политической. Дело в том, что Энхедуанна была дочерью царя Саргона Древнего, который объединил Аккад и Шумер. Царь Саргон назначил верховной жрицей свою образованную и талантливую дочь в значительной степени для того, чтобы держать под контролем религию.

Сохранился большой алебастровый диск, на котором изображена верховная жрица во время ритуального приношения в храме. Клинописная надпись на обороте диска утверждает, что на нём изображена именно Энхедуанна. Клинопись сильно повлияла на развитие Месопотамии. Если мы сравним появление печатных текстов в разных цивилизациях, то увидим, что в Европе книгопечатание было изобретено Иоганном Гутенбергом в середине XV века, на Дальнем Востоке начали переносить на бумажные свитки тексты с деревянных роликов с вырезанными иероглифами в районе IX века, а в Месопотамии уже в XXIII веке до нашей эры (!) использовались мраморные камни с клинописными изображениями, которые впечатывали во влажные глиняные таблички.



Фрагмент алебастрового диска с Энхедуанной

Царское происхождение дало Энхедуанне образование и должность верховной жрицы, но в то же время сделало её зависимой от политических перипетий. И во время одного из политических конфликтов она была отправлена во временное изгнание. Тысячелетия спустя в разных странах и в разные времена из-за конфликта с властями в изгнание отправятся Сапфо, Овидий, Данте, Мицкевич, Пушкин, Бродский и другие выдающиеся поэты. Любопытно, что подобная участь постигла самого первого поэта, вернее, самую первую поэтессу в истории человечества.

Энхедуанна писала религиозные гимны, которые, увы, трудно понять и оценить, не будучи хорошо знакомым с древнешумерской мифологией. Но иногда в этих гимнах встречаются строки, которые за сорок три столетия не потеряли своего очарования. Вот как Энхедуанна описывает райский пейзаж на склонах горы Эбих:

> Пары львов гуляют в тени под длинными изгибами веток,
> серорунные овцы и большеглазые телицы без пастуха

забрели на холм;
уходящим диким быкам травы, качаясь, щекочут ноги;
лунорогие туры любятся посреди кипарисов.

(перевод Александра Шапиро с английского подстрочника)

Особого внимания заслуживает строчка из гимна, который Энхедуанна написала во время изгнания. В этом гимне она обращается к своему божеству и сетует на тяжелую жизнь жрицы вдалеке от храма:

Я, даже я, не могу быть с тобой!

Уже по этой одной строчке древнего гимна мы можем, следуя Бродскому, выразить основные различия между поэзией и прозой. Во-первых, поэзия содержит более насыщенные эмоции, чем проза. И как следствие плотность поэтического текста более высока. Во-вторых, поэзия в отличие от прозы представляет собой ритмизованный текст. В-третьих, стихи больше прозы отражают личность автора, поэтому чаще написаны от первого лица.

Сильные чувства, выраженные женщиной в песне — именно так началась мировая литература. Она началась 42 века назад в исчезнувшей аккадской цивилизации, в давно разрушенном городе Ур, на мертвом шумерском языке.

В те времена Ур был важнейшим шумерским городом-государством. Через два века после смерти Энхедуанны в Уре начался период так называемого «шумерского ренессанса». Один из царей Ура даже написал гимн, который включил в сборник гимнов Энхедуанны. В этот период шумерская литература процветала и именно тогда появились первые сказания «Эпоса о Гильгамеше».

Вот отрывок из «Эпоса о Гильгамеше», в котором шумерское божество объясняет Гильгамешу участь людей.

Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,

Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!

(перевод Игоря Дьяконова)

Согласно верованиям шумеров, божества делают всё, что им заблагорассудится. А человеку остаётся лишь радоваться приятным мелочам жизни, а потом уйти в небытие.

Шумерская культура была довольно развита. Во многом это развитие было вызвано клинописной литературой. А духовная компонента шумерской цивилизации оставалась на примитивном языческом уровне.

Вполне возможно, что именно сочетание развитой культуры и духовного дефицита привело к важнейшей в истории человечества перемене религиозной парадигмы: на смену пантеону божеств пришёл единый бог, а вместо произвола высших сил появился завет — договор между единым богом и людьми, соблюдающими его законы. А заключил этот завет праотец Авраам, который отправился в Землю Обетованную из шумерского города Ур.

Глава 2
Вторая ода

> *«Разным читателям нужны разные типы переводов. Одному достаточно почувствовать, что Гораций и Сапфо писали иначе, чем Пушкин; для этого достаточен сравнительно вольный перевод. Другому захочется почувствовать, что Гораций писал не только иначе, чем Пушкин, но и иначе, чем Сапфо, и для этого потребуется гораздо более буквалистский перевод. Повторяем, что мы говорим не о специалисте-литературоведе, которому можно порекомендовать выучить ради Сапфо и Горация греческий и латинский языки; нет, мы говорим просто об образованном читателе, который любит литературу и хочет ее знать, а таких читателей становится все больше и больше.»*
>
> *М. Л. Гаспаров*

Рассуждая о переводах поэзии, естественно задаться вопросом: какое стихотворение на русский язык переводили чаще всего? Наверняка, это будет один из сонетов Шекспира — бесчисленные графоманы без устали переводят все 154 шекспировских сонета. Если брать в расчёт только профессиональных переводчиков, то ответом будет, вероятнее всего, один из псалмов царя Давида. Но тут на внимание переводчиков повлияло религиозное значение псалмов. Если же оставить священные тексты, то ответом на вопрос «Какое стихотворение на русский язык переводили чаще всего?» будет вторая ода древнегреческой поэтессы Сапфо.

Мало что достоверно известно о Сапфо. Мы знаем, что она жила в VII — VI веке до нашей эры на острове Лесбос, и была гениальной поэтессой. Платон называл её десятой музой, а Страбон — чудом. Гораций утверждал, что стихи Сапфо достойны религиозного поклонения. А Гай Валерий Катулл восхищался стихами Сапфо и перевёл на латынь её вторую оду.

Не сохранилось прижизненного изображения поэтессы. Самым известным античным изображением Сапфо является фреска из города Помпеи.

Сапфо, древнеримская фреска

К величайшему сожалению, большинство текстов Сапфо утеряны. Сохранились лишь отрывки, по которым трудно составить представление о величии поэтессы. Но её вторая ода оказалась настолько выдающимся произведением искусства, что его цитировали другие античные авторы, и поэтому до нас дошли первые шестнадцать строк и начало семнадцатой.

Особенность этой оды состоит в том, что её первые шестнадцать строк представляют собой одно предложение. Предложение, перенасыщенное сильными личными эмоциями, которые описаны детально и в то же время отстранённо. Вдобавок это предложение состоит из четырёх четверостиший с деликатной ритмической структурой — позже четверостишие с такой структурой назовут сапфической строфой.

Примечание переводчика.

Невозможно качественно перевести вторую оду Сапфо

по одному лишь подстрочнику. Поэтому я обратился за консультацией к профессору античности Сергею Карпухину. Он любезно предоставил подстрочник и подробный комментарий, прочитал текст в оригинале — на эолийском диалекте древнегреческого языка, а также неоднократно обсуждал со мной детали перевода. Я глубоко признателен профессору Карпухину за помощь в переводе.

Кроме того, в процессе работы над переводом выяснилось, что некоторые современные психиатры считают описанный в оде всплеск чувств перечислением симптомов панической атаки. Эта гипотеза накладывала ограничения на перевод, поэтому я обсудил её с практикующими специалистами, которые пришли к выводу, что описан скорее приступ ревности.

Единственное, чего недостаёт переводу — это музыка. Сапфо была лирической поэтессой — это значит, что её стихи исполнялись под сопровождениё лиры. Вряд ли удастся узнать, как звучала музыка, под которую исполняли вторую оду. Но вдумчивый читатель всегда может услышать отголоски древней музыки в первом переводе, сохранившем как ритм, так и цельность оригинала.

Тот, сидящий против тебя так близко,
он, как будто, счастьем подобен богу:
он, наверно, сладкий твой слышит голос,
слышит желанный

смех — но только всё это здесь, напротив,
мне шальное сердце в груди пугает,
ведь, едва взгляну на тебя украдкой,
слова не молвить:

то, застыв, язык цепенеет, тонкий
жар не то внезапно бежит под кожей,
застит веки мои морока, уши
гул наполняет

так, что холод дрожью меня промозглой
всю, всю-всю свивает, былья бледнее
я, и малость лишь отстаю от смерти,
малость… как будто.

Всё, что нужно, стерпишь, а всё, что после…

(перевод Александра Шапиро)

Солон был правителем Афин и одним из семи мудрецов Древней Греции. Когда Солон за чашей вина услышал одно из стихотворений Сапфо от своего племянника, он попросил мальчика повторить стихотворение несколько раз. А на вопрос — зачем, Солон ответил, что не хочет прожить остаток жизни, не зная этого стихотворения наизусть.

Глава 3
Улыбка Джоконды

Несколько выдающихся поэтов Древнего Рима оказали колоссальное влияние не только на литературу, но и на культуру в целом. Все эти поэты — классические античные авторы, мастера глубоких мыслей и, как правило, тяжелого слога. Все, кроме одного. Его имя Гай Валерий Катулл, а его стихи — вполне современная поэзия. Вряд ли найдётся ещё один античный автор, на слова которого есть песни в стилях рэп и панк-рок.

Самое известное стихотворение Катулла состоит всего из двух строк:

> Ненавижу тебя, вожделея. «Возможно ли?» — спросишь.
> Не пойму. Но теперь постигаю себя, истязая.
>
> *(перевод Александра Шапиро)*
>
> Odi et amo. Quare id faciam fortasse requiris.
> Nescio, sed fieri sentio, et excrucior.

Озадачивающее начало этого стихотворения очень популярно в наши дни. Фраза «Odi et amo», которая дословно означает «ненавижу и люблю», в наше время стала названием одного музыкального коллектива, двух фильмов, нескольких книг и многочисленных страниц в интернете.

Уже по этим двум строчкам легко понять, что в стихах Катулла есть вполне современные моменты: смешанные чувства, сомнения, рефлексия и т. п. Конечно же, Катулл был известен своим современникам, а его поэзия оказала значительное влияние на других выдающихся поэтов Древнего Рима: Горация, Овидия и Вергилия. Эти поэты были известны и любимы во все эпохи. В отличие от них, Гай Валерий Катулл был полностью забыт до начала Возрождения. Почему такой талантливый поэт был забыт на полторы тысячи лет? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам понадобится разгадать загадку Джоконды.

Леонардо да Винчи, Джоконда

В чем тайна улыбки Джоконды? Есть множество спекуляций на эту тему. Версии варьируются от отсутствия передних зубов до сифилиса. Тем не менее, в реальной жизни всё проще: тайна — сама улыбка. В наши дни трудно представить, насколько необычна такая эмоция на картине начала 16-го века, но мы попробуем разобраться.

В средневековые времена у сюжетов произведений искусства было два основных источника: Библия и греческая мифология. Начнем с Библии: как часто в ней встречается слова «улыбка» или «улыбаться»? Ни разу. Что неудивительно, поскольку большей частью в Священном Писании описываются чувства, далекие от утонченных.

Что с Древней Грецией? В древнегреческом искусстве улыбки нет, хотя в архаичный период между 8-м и 6-м веками до нашей эры встречается натянутая ухмылка у некоторых статуй. По мнению исследователей античности, она символизирует либо то, что статуя изваяна при жизни человека, либо то, что боги

благосклонны к этому человеку. Похожая ухмылка встречается в раннем средневековье у нескольких статуй архангела Гавриила в качестве атрибута, связанного с Благовещением. Но за всю историю европейской живописи — от наскальных рисунков пещерных людей и до раннего Возрождения — не было создано ни одной фрески или картины, которая изображала бы нормально улыбающегося человека.

Единственная улыбающаяся средневековая скульптура была создана в середине XIII-го века неизвестным гением. Мы называем его Наумбургский Мастер, поскольку он изваял двенадцать скульптур наумбургского кафедрального собора. Это скульптуры представляют собой портретные изображения аристократов, оплативших постройку собора. Самая известная из них — майсенская маркграфиня Ута.

Но сейчас нас больше интересует майсенская маркграфиня Регелинда.

Скульптуры Наумбургского Мастера — прекрасное, но редчайшее исключение из правил.

Наумбургский Мастер, маркграфиня Ута

В целом, в искусстве Средних веков большее внимание уделялось силе чувства, его значительности. На лицах рыцарей круглого стола нет неуловимых улыбок, и мало кто томился рефлексией между катулловским «Odi et amo» и шекспировским «To be or not to be». Поэзия Катулла оказалась далека от средневекового мейнстрима и во многом по этой причине она была забыта.

Наумбургский Мастер, маркграфиня Регелинда

Наиболее выдающееся достижение Леонардо да Винчи и других мастеров эпохи Возрождения состоит в том, что они привнесли в искусство неоднозначные и сложные эмоции. Переживания и ощущения обычных людей впервые за много сотен лет стали достойной темой для произведений искусства. Это стало началом гуманизма Возрождения, который является одной из основ современной западной цивилизации.

Естественно, Леонардо нужно было доказать, что такой подход имеет право на существование. Что он с успехом и сделал. Если мы взглянем на Мону Лизу, то увидим, что она не уродина и не красавица. Её одежда не бедна и не богата. И пейзаж за ней ничем не примечателен. Вообще говоря, все детали этого портрета заурядны. Но неуловимое выражение улыбающегося лица делает картину шедевром.

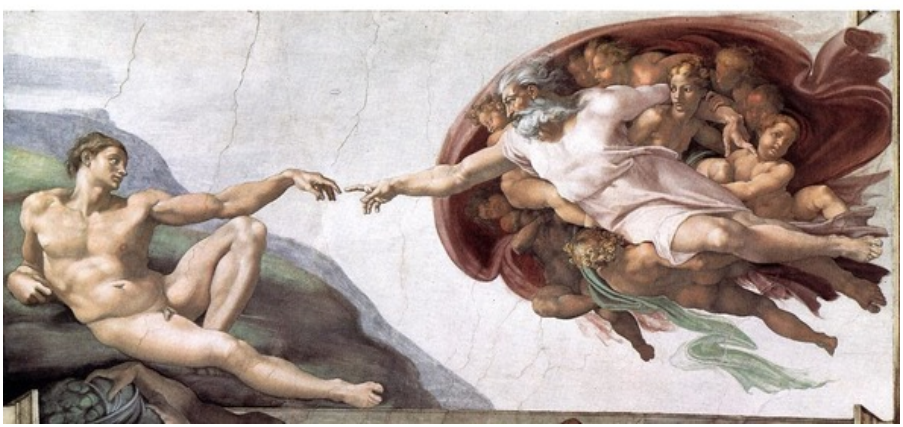
Фра Филиппо Липпи, «Мадонна с двумя ангелами»

Вслед за Леонардо, Рафаэль и другие художники стали рисовать улыбающихся людей. А в живописи самая первая улыбка, по мнению некоторых исследователей, была нарисована художником Фра Филиппо Липпи примерно в 1460-м году. На его картине «Мадонна с двумя ангелами» улыбается один из ангелов.

Глава 4
Микеланджело

Ещё одним результатом гуманистических принципов Возрождения стало повышенное внимание в искусстве не только к переживаниям человека, но к его телу.

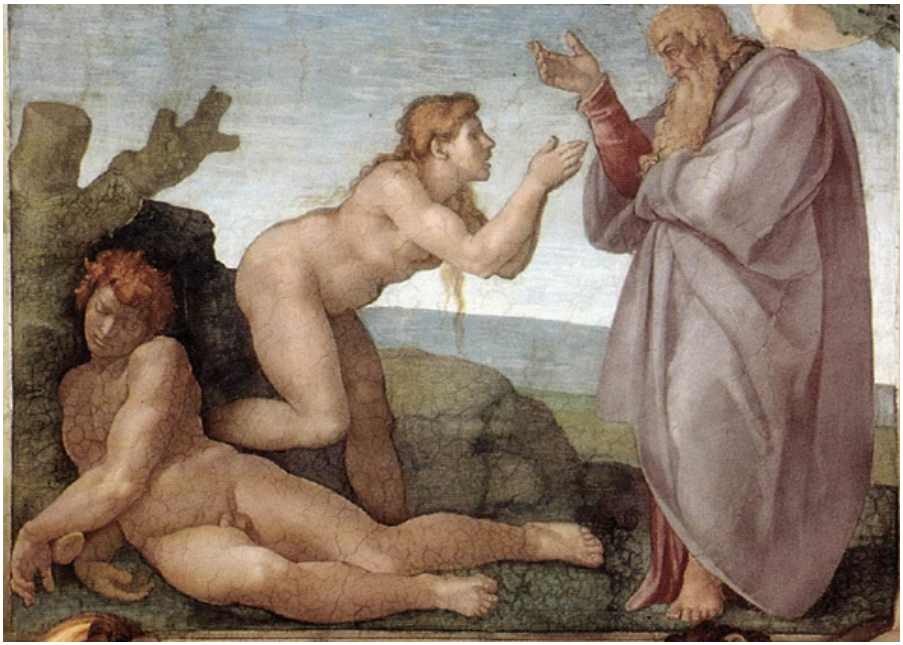
Микеланджело превосходно знал строение человеческого тела. Он довольно часто вкладывал в свои работы весьма нетривиальные символы, связанные с анатомией. Особенно ярко это проявилось в росписи Сикстинской капеллы. Так, на фреске «Сотворении Адама» бог и ангелы изображены в некотором «облаке».



Микеланджело, «Сотворение Адама»

Лишь спустя четыре с лишним века после создания этой фрески исследователи догадались, что это «облако» представляет собой точный разрез головного мозга. Точно передана и форма, и пара основных извилин. Видимо, это символизирует, что Всевышний является неким «вселенским разумом».

На фреске «Сотворение Евы» Микеланджело с помощью анатомических аллегорий показывает момент, когда бог вдохнул жизнь в Еву.



Микеланджело, «Сотворение Евы»

Здесь примечательны сразу две детали. Первая — одеяние Всевышнего, которое не подчиняется законам гравитации и выглядит раздутым изнутри. Очертания этого одеяния — точные очертания легкого. Вторая деталь — необычное дерево без листьев и со странными утолщениями, у которого спит Адам. Это дерево представляет собой трахею.

Теперь уже не так сложно понять символику фрески «Отделения земли от воды». По мнению врачей, на этой фреске силуэт «облака» со всевышним — почка.

А свою самую впечатляющую метафору Микеланджело передал с помощью человеческой кожи на центральной, важнейшей и самой впечатляющей фреске Сикстинской капеллы — на «Страшном суде». Любопытно, что пять веков практически никто не понимал главную идею этого великого произведения искусства.

Микеланджело, «Отделение земли от воды»

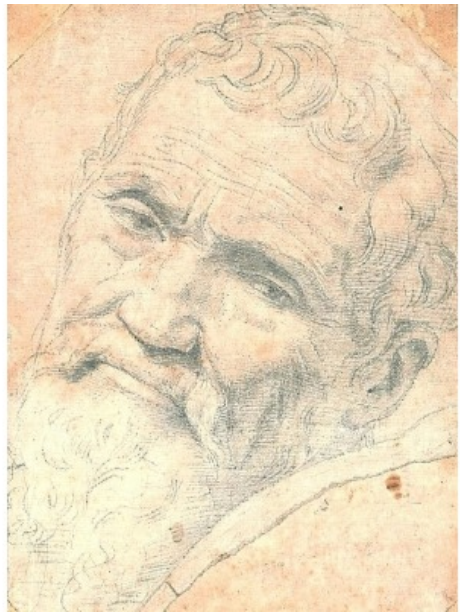
В центре фрески возле левой ноги Христа изображён святой Варфоломей. Он держит в одной руке кожевенный нож, а в другой — содранную кожу. На первый взгляд, это вполне традиционно символизирует то, что со святого Варфоломея содрали кожу.

Лишь в 1925 году исследователи заметили, что эта кожа очень похожа на два портрета Микеланджело, которые были выполнены Даниэле да Вольтерра и Джулиано Бугардини. Недавно была отреставрирована фреска Микеланджело «Распятие Святого Петра», на которой был обнаружен автопортрет Микеланджело. Этот автопортрет еще больше, чем портреты похож на кожу, которую держит в руках святой Варфоломей.

Микеланджело, «Страшный суд»

Микеланджело, «Страшный суд», фрагмент

Джулиано Бугардини, «Микеланджело»



Даниэле да Вольтерра, «Микеланджело»

Микеланджело, автопортрет, фрагмент фрески «Распятие святого Петра»

Искусствоведы высказали гипотезу: Микеланджело показал, что представляет себя на суд божий. Есть три довода в пользу этой гипотезы.

Во-первых, сходство кожи и портретов Микеланджело. Во-вторых, у расположенного в центре Христа взгляд направлен

в точности на изображение Микеланджело. В-третьих, изображен Страшный суд — происходит всеобщее воскрешение, души обретают плоть и предстают на суд божий. Но на фреске уже все обрели плоть, кроме кожи в руках святого Варфоломея.

Мы добавим к этим трем доводам четвертый. Обратим особое внимание на святого Варфоломея. В христианской традиции он и при жизни, и после смерти был связан с чудесами изменения массы. Известная легенда о нём гласит, что его тело было брошено в море. Когда оно было вынесено на берег, местный епископ велел мужчинам принести тело. Но оно оказалось слишком тяжелым. И тогда епископ велел принести тело детям, которые легко справились с задачей. То, что безгрешные дети смогли поднять тело, символизирует то, что подлинная тяжесть — у грехов.

Кроме того, поза святого Варфоломея весьма необычна. Если мы обратим внимание на его торс и руки, то увидим, что он похож на весы.

Символизм центральной части «Страшного суда» таков: изображен момент Страшного суда, когда Христос решает судьбу Микеланджело, а святой Варфоломей символизирует весы, на которых взвешивается участь художника. Скорее всего, фигуры, расположенные над святым Варфоломеем, тоже имеют отношение к Микеланджело и некоторые их них, возможно, заступаются за него перед Христом. Но кто они — мы не знаем…

Возникает естественный вопрос: а понимал ли кто-нибудь из современников Микеланджело его сложные символы? Да. Как минимум один — понимал. Он был моложе Микеланджело на 8 лет. Он научился у Микеланджело анатомической точности. Он был великим художником. Его звали Рафаэль Санти.

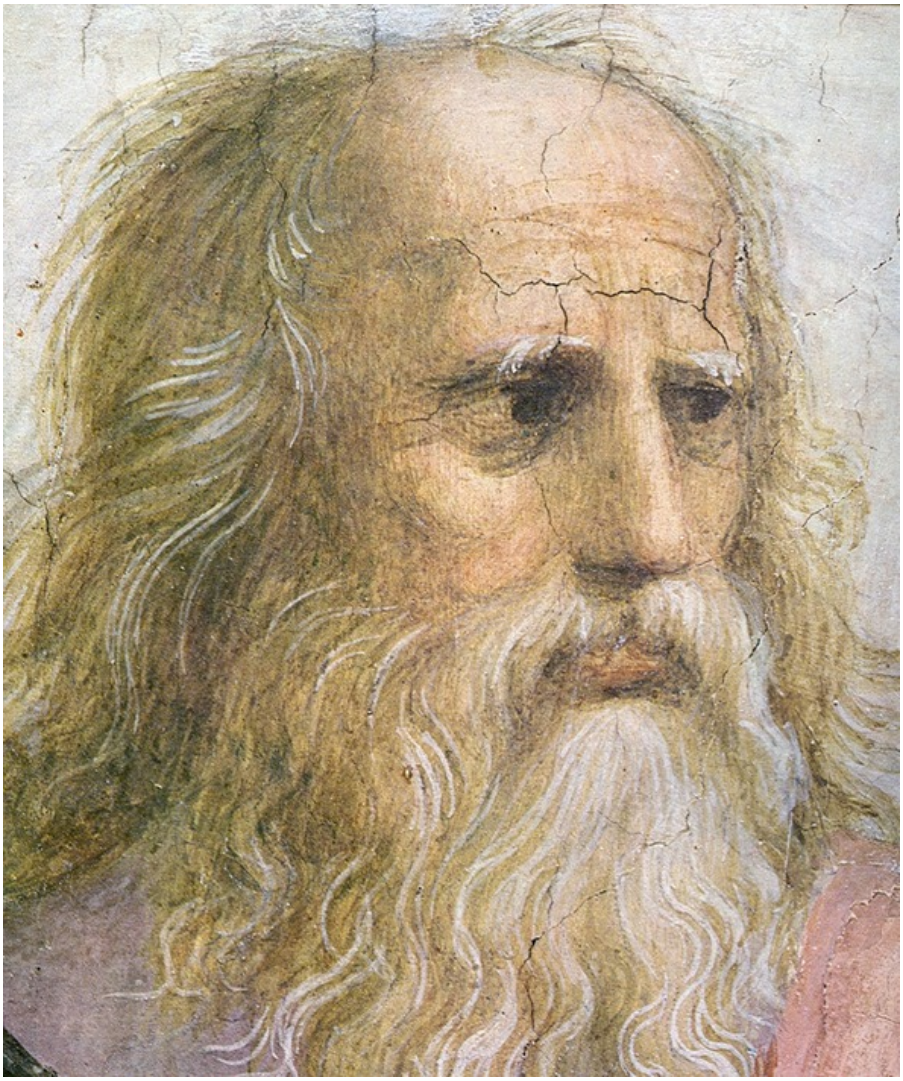
На картине «Афинская школа» Рафаэль изобразил различных философов Древней Греции.

Рафаэль, «Афинская школа»

Великим философам Афин Рафаэль придал сходство с мастерами итальянского Возрождения. К сожалению, удалось идентифицировать лишь нескольких, наиболее известных. К примеру, в самом центре изображены два философа. Философ слева — Платон, он обладает портретным сходством с Леонардо да Винчи. Один из молодых людей справа — сам Рафаэль. И Леонардо, и Рафаэля было несложно распознать по их автопортретам, написанным примерно в то же время.

Рафаэль, «Афинская школа», фрагмент

Рафаэль, автопортрет



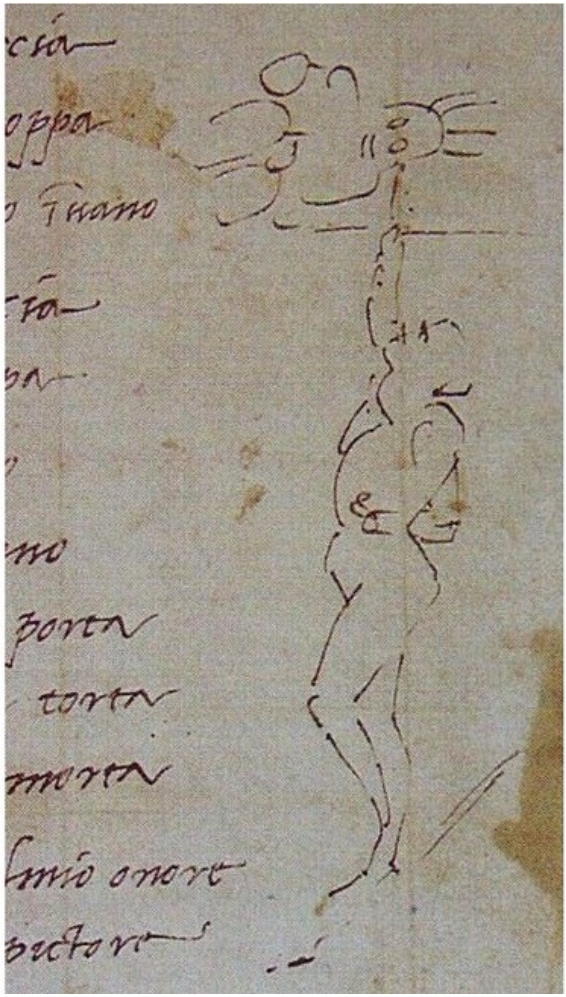
Рафаэль, «Афинская школа», фрагмент

Леонардо да Винчи, автопортрет

Но, к сожалению, не сохранилось ни одного портрета или автопортрета молодого Микеланджело. Тем не менее, удалось определить, что Микеланджело изображен на переднем плане картины в образе Гераклита. Исследователи долгое время предполагали, что эта мощная одинокая фигура задумчивого философа — портрет Микеланджело. Но уверенность в этом появилась, когда было замечено, что колено Гераклита обладает ярко выраженными признаками подагры, которой в то время болел Микеланджело. Вот так выглядел молодой Микеланджело Буонарроти.

Рафаэль, «Афинская школа», фрагмент

Расписывать потолок Сикстинской капеллы Микеланджело было особенно сложно, поскольку приходилось работать, выгнувшись назад. В письме к своему приятелю Джованни да Пистойя Микеланджело написал шуточный сонет и нарисовал карикатуру на самого себя.



Микеланджело, рисунок из письма

Сонет начинается так:

> I’ho già fatto un gozzo in questo stento,
> come fa l’acqua a’ gatti in Lombardia
> o ver d’altro paese che si sia

Дословно эти строки означают: «Это сделало мне зоб, как плохая вода — кошкам Ломбардии или других подобных мест». И вот уже пять веков переводчики на всех языках пишут о несчастных кошках Ломбардии. К примеру, в стихотворном переводе Эфроса на русский это звучит так:

> Я получил за труд лишь зоб, хворобу
> (Так пучит кошек мутная вода,

В Ломбардии — нередких мест беда!)

Если кто-нибудь поинтересуется у ветеринаров Ломбардии, что это за мутная вода, от которой пучит местных кошек, то ветеринары примут такого человека за безумца. На самом деле, Микеланджело пишет следующее:

Я нажил зоб, как те ломбардцы, что ли,
Что пьют плохую воду местных рек.

При этом он, действительно, говорит о кошках, но дело в том, что кошками в те времена называли крестьян Ломбардии и окрестностей! Примерно так же, как русского крестьянина можно было бы фигурально назвать медведем. Во времена Микеланджело большая часть населения Ломбардии страдала от зоба — увеличения щитовидной железы. Много веков спустя ученые выяснили, что причиной этого был недостаток йода в местных источниках питьевой воды. Откуда Микеланджело знал, что причина заболевания связана именно с водой — трудно сказать. Известно, что он не только блестяще разбирался в анатомии и физиологии человека, но и оставлял скрытые символы, используя свои знания. Для примера посмотрим на надгробие герцога Джулиано Медичи, которое Микеланджело украсил статуей «Ночь».

На первый взгляд, женщина, символизирующая ночь, изображена со вполне естественными атрибутами: сова, маковые коробочки, полумесяц на диадеме. Но стоит обратить особое внимание на грудь этой женщины.

Микеланджело, «Ночь»

Микеланджело, «Ночь», фрагмент

Время от времени воинствующие невежды, глядя на эту грудь, приходят к выводу, что Микеланджело не умел ваять женское тело. Это, конечно, не так. Хирурги, специализирующиеся в маммологии, утверждают, что у изображенной женщины совершенно точно показан рак груди. Соответственно, символизирует эта надгробная статуя не столько ночь, сколько смерть.

Спустя век после расцвета итальянского Возрождения, молодой голландский живописец Рембрандт Харменс ван Рейн восхитился работами Микеланджело, Леонардо, Рафаэля и Тициана. И вслед за Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Рафаэлем Санти и Тицианом Вечеллио великий голландец перестанет пользоваться фамилией и станет называть себя только по имени — Рембрандт.

Рембрандт, «Вирсавия с письмом Давида»

Рембрандт многое перенял от итальянских мастеров, в том числе и знание анатомии. Так, на картине «Вирсавия с письмом Давида» у Вирсавии тоже изображен рак груди.

Мы уже знаем, что Микеланджело писал стихи, и даже иногда использовал в них свои знания анатомии. Но в большинстве своём стихи, которые писал Микеланджело, не являются сложными литературными произведениями — это обычная для того времени куртуазная поэзия. При этом слог Микеланджело исключительно элегантен. Сборник всех его стихов был опубликован уже после его смерти. Некоторые стихотворения Микеланджело посвятил своему близкому другу — Томазо Кавальери.

В те времена (как, впрочем, и в любые другие) в общественных взглядах постоянно чередовались авторитарное пуританство и либеральная вседозволенность. Перед публикацией сборника стихов очередной свободный период сменился очередным закручиванием гаек и стихи одного мужчины, посвященные другому, выглядели на тот момент предосудительно. Поэтому издателю пришлось заменить в стихотворениях, посвященных Кавальери, род местоимений с мужского на женский. Только спустя много лет это ханжество было исправлено, а первые адекватные переводы появились лишь через два с половиной века.

Вот один из сонетов, посвященных Томазо Кавальери.

Очами Вашими взираю на цвета,
Не видные глазам моим слепым;
Стопами Вашими подъемлю груз, с каким
Моя не совладает хромота;
Крылами Вашими мной высь перенята;
Ваш в небе дух — я следую за ним;
По слову Вашему я бледен и раним,
Озяб в жару, согрелся в холода.
По воле Вашей вольно будет мне,
Дыханьем Вашим речь моя легка,
Мои раздумья Ваша мысль явила.
Подобный одиночеством луне,
Невидим я до той поры, пока
Не освещён сиянием светила.

(перевод Александра Шапиро)

Veggio co’ bei vostri occhi un dolce lume,
Che co’ miei ciechi già veder non posso;
Porto co’ vostri piedi un pondo addosso,
Che de’ mie zoppi non è già costume.
Volo con le vostr’ale senza piume;
Col vostr’ingegno al ciel sempre son mosso;
Dal vostr’arbitrio son pallido e rosso,
Freddo al sol, caldo alle più fredde brume.
Nel voler vostro è sol la voglia mia,
I mie’ pensier nel vostro cor si fanno,
Nel vostro fiato son le mie parole.
Come luna da sè sol par ch’io sia;
Chè gli occhi nostri in ciel veder non sanno

Se non quel tanto che n’accende il sole.

Глава 5
Arse poetica

Во всей росписи Сикстинской капеллы часто встречаются орнаменты в виде дубовых листьев и желудей. Этим Микеланджело указывал на своего работодателя — папу Юлия II, который был родом из итальянского семейства Della Rovere, а «rovere» означает «дуб».

Герб семьи Della Rovere

Юлий II часто надоедал Микеланджело, который всегда старался работать в одиночку и без свидетелей. Вероятно, именно надоедливость папы послужила причиной того, что желуди на одной из фресок представляют собой связку пенисов.

Микеланджело, «Обнаженный юноша»

Подобную фигу в кармане можно найти у лучших мастеров слова. К примеру, одна из ранних песен Михаила Константиновича Щербакова заканчивается словами:

Вот уж где ты горевать перестанешь
И посмеешься над холодной Европой,
И упадешь ты на песок и не встанешь,
И всю жизнь так пролежишь кверху пузом…

Щербакову на одном из концертов прислали записку с вопросом, мол, что же у Вас там за нестыковка с рифмами. Михаил Константинович ответил, что песня была написана в те времена, когда приходилось считаться с цензурой, поэтому рифму нужно было заменить. «Я собирался написать», — сообщил Щербаков затихшему зрительному залу: «И посмеешься над холодным Союзом».

Александр Сергеевич Пушкин не чурался острого словца. Естественно, Пушкин мастерски пользовался игрой слов. К примеру, в «Сказке о царе Салтане» есть такие строки

Все кричат: «Лови, лови,
Да дави её, дави…
Вот ужо! постой немножко,
Погоди…» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

В этом отрывке два слова «ужо! постой» на слух воспринимаются фразой не из двух, а из трех слов… Подобная игра слов скрывается и в следующем отрывке, но уже в словах «ужо! пожди».

Караул! лови, лови,
Да дави его, дави…
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Кстати, такую игру слов два века спустя повторит Блок в поэме «Двенадцать». У Блока красноармеец восклицает:

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

Второй раз подобным приёмом Пушкин воспользовался в «Евгении Онегине». Пушкиновед Андрей Чернов заметил, что в строчках

Я всех уйму с моим народом, —
Наш царь в конгрессе говорил,

порядок слов в первой строке выглядит странным. Ученый понял шуточку Пушкина, только когда произнес вслух слова «всех уйму».

Ещё одна пушкинская грубоватая шутка осталась неопубликована.

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

У Пушкина в черновике на месте слова «ямб» ничего нет. Пустое место. Пробел. На первый взгляд, непонятно — а что еще можно противопоставить хорею?! Но кто-то сообразительный выдвинул занятную гипотезу: Пушкин собирался написать «Не мог он хера от хорея, Как мы ни бились, отличить». И звучит эта аллитерация красиво, и шуточка в духе Александра Сергеевича. Но гипотезе нужны подтверждения…

Оказывается, у Аристофана в комедии «Облака» балбес Стрепсиад приходит учиться к Сократу и между ними происходит следующий диалог.

Сократ: Какой же ты деревенский недотепа! Может, стихотворные размеры ты сумеешь выучить…
Стрепсиад: А какая польза от этих размеров?
Сократ: Ну, для начала, тебя будут лучше принимать в обществе, если ты сможешь отличить анапест от дактиля.
Стрепсиад: Дактиля! Ну, дактиль мне хорошо знаком.
Сократ: И что же это?
Стрепсиад: А вот что!
(Стрепсиад показывает Сократу средний палец)

Название стихотворного размера «дактиль» по-гречески буквально означает «палец». К примеру, знакомое слово с этим значением — дактилоскопия. Кроме того, показать средний палец — неприличный жест с античных времен. Скорее всего, у Пушкина реминисценция на эту шутку Аристофана. Тем более, что у Пушкина примерно там же говорится о том, как Онегина

принимали в обществе.

В античной литературе наиболее известны грубые стихи уже знакомого нам Гая Валерия Катулла. Его стихотворение «Pedicabo ego vos et irrumabo…» многие годы не включали в сборники, не переводили совсем или переводили, убирая все скользкие моменты. В последнее время, наоборот, все, кому не лень, стали переводить эти строки и появилось множество переводов различной степени пристойности. Но все эти экзерсисы в туалетной лексике имеют мало общего с поэзией Катулла.

Катулл был талантливым поэтом. И даже в шутливо-грубоватом стихотворении он мастерски пользуется поэтической техникой. В данном случае это аллитерация на «п». Катулл как бы плюется: «п! п! п!» — в этом стихотворении целых 15 слов начинаются на букву «п».

Поимею вас я в задницу и в глотку,
Аврелий содомит и **педик** Фурий,
Что по виршам моим **полагали**
Чувственным, что я не **полностью приличен**.
Надо быть самому **поэту пристойным**,
А стишкам никаких нет запретов.
Соль в них есть да услада лишь, если
Чувственны, да не **полностью приличны**
И к **позывам** жгучим **приводят**
Не **подростков**, но брадатых **перестарков**,
Что тяжелым не в силах двинуть крупом.
О лобзаньях *моих многих* читая,
Вы *меня меньшим мужем* **полагали**?!
Поимею вас я в задницу и в глотку!

(перевод Александра Шапиро)

Pedicabo ego vos et irrumabo,
Aureli **pathice** et cinaede Furi,
qui me ex versiculis meis **putastis**,
quod sunt molliculi, **parum pudicum**.
Nam castum esse decet **pium poetam**
ipsum, versiculos nihil necesse est;
qui tum denique habent salem ac leporem,
si sunt molliculi ac **parum pudici**,
et quod **pruriat** incitare **possunt**,
non dico **pueris**, sed his **pilosis**
qui duros nequeunt movere lumbos.

Vos, quod *milia multa* basiorum
legistis, *male me marem* **putatis**?
Pedicabo ego vos et irrumabo.

Встречаются шутки ниже пояса и у Шекспира. Но они зачастую теряются в переводе, а с ними теряется и смысл текста. Прочитаем, для примера, в переводе Щепкиной-Куперник отрывок из «Как вам это понравится», где Жак описывает свои диалог с шутом:

…Тут часы он вынул
И, мутным взглядом посмотрев на них,
Промолвил очень мудро: «Вот уж десять!
Тут видим мы, как движется весь мир.
Всего лишь час прошел, как было девять,
А час пройдет — одиннадцать настанет;
Так с часу и на час мы созреваем,
А после с часу и на час — гнием.
Вот и весь сказ». Когда я услыхал,
Как пестрый шут про время рассуждает,
То грудь моя запела петухом
О том, что столько мудрости в шутах;
И тут смеялся я без перерыва
Час по его часам.

(перевод Щепкиной-Куперник)

Ну, и с какого перепуга этот Жак ржет целый час?! Что такого смешного сказал шут?

В переводе — действительно, ничего. А, вот, в оригинале есть смешной каламбур, хотя, и несколько неприличный. Дело в том, что во времена Шекспира произношение некоторых слов отличалось от современного. Так, слова «hour» (час) и «whore» (шлюха) четыреста лет назад звучали одинаково. Поэтому, когда шут произносит:

And so, from hour to hour, we ripe and ripe,
And then, from hour to hour, we rot and rot;

то Жака это забавит своей непристойностью. И, соответственно, когда Жак говорит

And I did laugh sans intermission
An hour by his dial.

то это на письме означает «И я смеялся без перерыва час по его часам», но звучит не только так. Слова «did laugh» звучат похоже на «did love», а слово «hour», как мы уже знаем, звучит похоже на слово «whore».

Примечания переводчика

Богатство и безграничные возможности русского языка позволили вашему покорному слуге представить на строгий суд первый осмысленный перевод монолога Жака из пьесы Шекспира «Как вам это понравится». Надеюсь, сей высокий штиль отчасти извинит использование двусмысленности глагола/существительного «минет» и каламбура в слове «страхом»…

Жак

Шута, шута! В лесу я повстречал
Шута в кафтане. Вот, убогий мир!
Как хлеб мой днесь, я встретил дурака,
Который, разложившись на припеке,
Удачу костерил замысловато,
Замысловато — даром, что дурак.
«Привет, дурак!» «Для дурака», — сказал он
«Пока мне недостаточно везет».
Он из кафтана вынул циферблат
И, посмотрев подслеповатым глазом,
Промолвил философски: «Время — десять;
Теперь мы видим, как вихляет мир;
Лишь час один назад пробило девять,
А через час — одиннадцать пробьет;
Вот час минет, а мы опять созрели,
Вот час минет, пожухли мы слегка;
Такие басенки». Но, услыхав
Про время шутовское наставленье,
Я кочетом захлебывался смехом,
Над сим глубокомысленным шутом;
Пусть по его часам с веселым страхом
Мне целый час минет. О, знатный шут!
Достойный шут! Хоть надевай кафтан.

Jaques

A fool, a fool! I met a fool i' th' forest,
A motley fool. A miserable world!
As I do live by food, I met a fool,
Who laid him down and bask'd him in the sun,
And rail'd on Lady Fortune in good terms,
In good set terms — and yet a motley fool.
«Good morrow, fool,» quoth I; «No, sir,» quoth he,
«Call me not fool till heaven hath sent me fortune.»
And then he drew a dial from his poke,
And, looking on it with lack-lustre eye,
Says very wisely, «It is ten o'clock;
Thus we may see,» quoth he, 'how the world wags;
«Tis but an hour ago since it was nine;
And after one hour more 'twill be eleven;
And so, from hour to hour, we ripe and ripe,
And then, from hour to hour, we rot and rot;
And thereby hangs a tale.» When I did hear
The motley fool thus moral on the time,
My lungs began to crow like chanticleer
That fools should be so deep contemplative;
And I did laugh sans intermission
An hour by his dial. O noble fool!
A worthy fool! Motley's the only wear.

Часть 2
Шекспир

Глава 1
Тайна пропавшей ремарки

«Макбет», как и многие другие пьесы Шекспира, впервые был опубликован только в 1623 году, через семь лет после смерти драматурга. По видимому, при подготовке к первой публикации была допущена неточность в одном из ключевых моментов пьесы, когда Макбет во время осады узнаёт о смерти жены и произносит монолог, уступающий по известности разве только монологу Гамлета. Об этой неточности стало известо недавно, когда актриса Джен Бликст, игравшая леди Макбет, выдвинула блестящую гипотезу, которая проливает свет на исходный замысел Шекспира. Чтобы познакомиться с этой гипотезой, вспомним необходимые детали. У Шекспира взаимоотношения между Макбетом и его женой начинаются с письма. В нём Макбет рассказывает, как ведьмы предсказали, что он станет королём после Дункана. Леди Макбет читает это письмо непосредственно перед встречей с мужем. И первый диалог супругов звучит так:

Макбет

Любовь моя, Дункан к ночи приедет.

Леди Макбет

А уезжает он когда?

Макбет

Назавтра
Намерен ехать он.

Леди Макбет

О, никогда
Пусть солнце это завтра не увидит.

(перевод Александра Шапиро)

Как всем хорошо известно, по наущению жены Макбет убивает Дункана и становится королём, а леди Макбет — королевой. После этого леди Макбет слегка повреждается

рассудком.

Вот диалог врача и придворной дамы:

Врач
…Когда она бродила последний раз?

Придворная дама
С тех пор, как его величество выступил в поход, я видела, что она вставала с кровати, набрасывала на себя ночную рубашку, отпирала шкаф, доставала бумагу, складывала ее, писала на ней, читала написанное, потом запечатывала и возвращалась в постель; и все это было в глубочайшем сне.

Врач
Сильное расстройство естества — пользоваться благами сна и в то же время предаваться занятиям, присущим бодрствованью. Это дремотное возбуждение, кроме блужданий и прочих подобных поступков, возможно, сопровождается какими-либо речами?

Придворная дама
Такими, сэр, что я повторять не стану.

(перевод Александра Шапиро)

А теперь мы прочитаем то самое загадочное место трагедии, которое находится в начале пятой сцены пятого акта. Но не в современном отредактированном виде. Мы воспользуемся факсимиле первого издания 1623 года.

Макбет

Что там за шум?

За сценой раздается женский крик.

Сейтон

Там женщины кричали, государь.

Макбет

Вкус ужаса почти уже забыт.
А раньше чувства бы похолодели

От крика ночью. От зловещих сказок
Тогда, вставая, шевелились космы
Словно живые. Страхом я пресыщен.
Привыкший к трепету жестокий разум
Не содрогнётся. Крик был отчего?

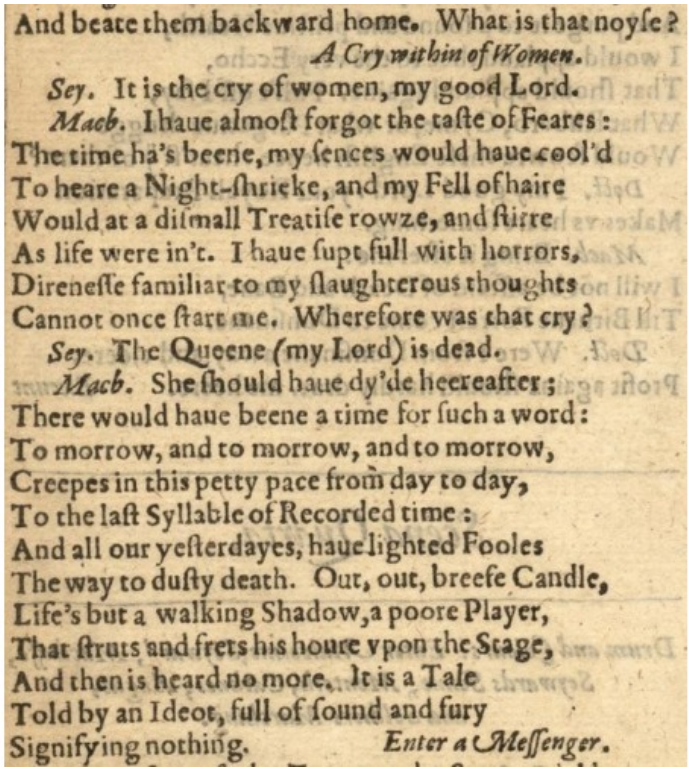
Сейтон

Скончалась королева.

Макбет

Лучше б ей
Скончаться было позже. Вот тогда
Для этих слов бы время подошло.
И завтра, снова завтра, снова завтра,
Крадясь, переступает день за днем
К последним буквам хроники времен;
А наши все «вчера» глупцам осветят
Путь к пыльной смерти. Выгорай, свеча!
Жизнь — тень идущая, актер несчастный:
То мечется, то шествует в свой час
По сцене, и — не слышен. Это
Рассказ безумца, полон гневных звуков,
Не значит ничего.

(перевод Александра Шапиро)



And beate them backward home. What is that noyſe?
A Cry within of Women.
Sey. It is the cry of women, my good Lord.
Macb. I haue almoſt forgot the taſte of Feares:
The time ha's beene, my ſences would haue cool'd
To heare a Night-ſhrieke, and my Fell of haire
Would at a diſmall Treatiſe rowze, and ſtirre
As life were in't. I haue ſupt full with horrors,
Direneſſe familiar to my ſlaughterous thoughts
Cannot once ſtart me. Wherefore was that cry?
Sey. The Queene (my Lord) is dead.
Macb. She ſhould haue dy'de heereafter;
There would haue beene a time for ſuch a word:
To morrow, and to morrow, and to morrow,
Creepes in this petty pace from day to day,
To the laſt Syllable of Recorded time:
And all our yeſterdayes, haue lighted Fooles
The way to duſty death. Out, out, breefe Candle,
Life's but a walking Shadow, a poore Player,
That ſtruts and frets his houre vpon the Stage,
And then is heard no more. It is a Tale
Told by an Ideot, full of ſound and fury
Signifying nothing. *Enter a Meſſenger.*

Монолог Макбета, фолио 1623 года

В глаза бросаются две детали. Во-первых, Макбет сперва спрашивает, что за шум, и только потом стоит ремарка о крике за сценой. Вряд ли ведьмы наделили Макбета способностями к предвиденью. Во-вторых, слова «my Lord» взяты в скобки. Эти слова совершенно лишние: без них везде звучит строгий шекспировский пятистопный ямб, а с ними две строчки становятся трехстопными.

Таким образом, мы видим, что в первом издании были допущены неточности. Их стандартное исправление таково: во-первых, Макбет спрашивает о шуме после крика за сценой, а, во-вторых, после вопроса Макбета Сейтон уходит и возвращается с вестью о смерти королевы.

Но есть еще одна важнейшая неточность. Это сам монолог, начинающийся словами «И завтра, снова завтра, снова завтра». И образы, и сравнения, и язык этого монолога абсолютно несвойственны Макбету — воину, убийце и королю.

Замечательная догадка Джен Бликст состоит в том, что этот монолог — предсмертное письмо леди Макбет. И эта мысль подходит к тексту, как недостающий кусочек паззла. Отношения

четы Макбет с письма начались, письмом и заканчиваются. В первом их диалоге, определившем их судьбу, дважды упоминается «завтра». А монолог начинается со строки «И завтра, снова завтра, снова завтра». То, что леди Макбет написала ночью, не исчезло без объяснений, а объявилось в важный момент.

Весьма вероятно, что при подготовке первого издания просто не указали, что Сейтон, сообщая Макбету новость, отдает ему письмо от леди Макбет. А перед монологом стоит ремарка: *Макбет читает*.

Глава 2
Тетраграмматон

Леди Макбет перед убийством короля обращается к мужу с такими словами, призывая его к скрытности:

> Чтобы все ошиблись,
> Смотри, как все; придай радушье глазу,
> Руке, устам; смотри цветком невинным,
> Но будь под ним змеей.

(перевод Михаила Лозинского)

Что общего у этих слов с тетраграмматоном — иудейским именем Бога, которое самим иудеям произносить запрещено, а другие народы произносят то «Яхве», то «Иегова»? Оказывается, это две стороны одной медали. Довольно редкой медали. Вот она:

Медаль, выпущенная к годовщине Порохового заговора

Но обо всем по порядку. 408 лет назад, в 1605 году в Лондоне несколько иезуитов устроили Пороховой заговор — они хотели взорвать короля Якова Первого, его семью и Парламент. Заговор был раскрыт, заговорщиков казнили и с тех пор каждый год пятого ноября в Британии сжигают чучело одного из заговорщиков — Гвидо Фокса, которого британцы называют Гай Фокс. Выглядел Гай Фокс, согласно прижизненной гравюре, так:

Гай Фокс

В те времена была мода на длинные и торчащие в стороны усы. И так повелось, что на чучело, которое сжигают, стали надевать маску. Вот такую:

Маска Гая Фокса

Кстати, «Алиса в Зазеркалье» начинается 4 ноября — Алиса смотрит в окно и видит, что мальчишки приготовили на завтра

костер. Но вернемся к редкой медали. Ее выпустил король Яков к годовщине спасения от Порохового заговора. На той стороне, где в центре написано имя Всевышнего, по краям есть латинская надпись: non DorMItastI antIstes IaCobI, что означает «Не спал защитник Якова». Эта надпись отсылает к псалму 120, в котором есть слова «non dormitabit neque dormiet qui custodiet Israhel», что означает «не дремлет и не спит, хранящий Израиля». В Библии Израиль — это второе имя Иакова.

Таким образом, защитником короля Якова здесь назван христианский Бог-отец и это довольно редкий случай, когда он противопоставлен Иисусу, по имени которого назван орден иезуитов, устроивших этот Пороховой заговор.

В надписи на монете выделенные латинские буквы MDCIIIII. Они составляют число 1605 — год заговора. Буквы V в тексте не нашлось, поэтому пришлось использовать пять букв I.

Не секрет, что Макбет был написан, если и не для короля Якова непосредственно, то уж с изрядной долей подхалимства. Вероятно, Шекспир знал об этой медали. А слова заговорщицы Леди Макбет — это изящная аллюзия на Пороховой заговор и Гая Фокса.

В английской поэзии есть ещё один интересный отрывок, в котором речь идёт о тетраграмматоне. Это четырнадцатая строфа первой песни поэмы Байрона «Дон Жуан».

Жена Байрона обладала научным складом ума. Поэт даже называл её «принцессой параллелограммов». Черты своей жены Байрон придал Инесе, матери Дон Жуана. К сожалению, в самом распространённом переводе мать Дон Жуана выглядит комически придурковатым синим чулком.

Еврейский и английский языки
Инеса без труда постигла тоже:
Она считала, что они «близки»
И в некоторых случаях похожи.
Читая песнопенья и стихи,
Она вопрос обдумывала все же —
Не одного ли корня, что Эдем,
Известное британское «god damn»?

(перевод Татьяны Гнедич)

У Байрона в оригинале Инеса замечает одна забавное различие менталитетов евреев и англичан. Поскольку евреям замрещено произносить тетраграмматон, наиболее ортодоксальные иудеи даже пишут «Б-г» вместо «Бог» и G-d вместо God. В то же время, англичане дефисом заменяют буквы в ругательстве: god d — n вместо god damn. Перевести эту строфу следовало бы, например, так:

Ей нравились английский и иврит.
Ей виделось подобие меж ними.
Я слышал, как однажды говорит
Она про недозволенное имя:
«Забавно, все же, как джон буль и жид
Расходятся дефисами своими —
Когда евреи стонут «Б-жья длань…»
Британцы восклицают «Божья ср-нь!»

(перевод Александра Шапиро)

She liked the English and the Hebrew tongue,
And said there was Analogy between «em;
She proved it somehow out of Sacred song,
But I must leave the proofs to those who’ve seen ’em,
But this I heard her say, and can’t be wrong,
And all may think which way their Judgements lean ’em,
««Tis strange — the Hebrew Noun which means «I am,»
The English always use to govern d——n.»

Глава 3
Рыцарь или Ричард?

Согласно верованию африканского племени адого, чтобы стать храбрым, надо съесть львиное сердце. Выражение «львиное сердце» означает мужество и рыцарскую отвагу, а образ смелого короля-рыцаря даже стал одним из стереотипов поп-культуры. В этом есть некоторая ирония, поскольку король Ричард Первый получил прозвище Львиное Сердце за звериную жестокость. Так его стали называть после того, как во время крестового похода он казнил в городе Акра более двух тысяч заложников, не получив за них выкупа. Но воевал Ричард Львиное Сердце много и умер от заражения раны, полученной в бою.

Вообще, за всю историю Англии со времен её завоевания норманнами лишь один английский король погиб в бою — Ричард Третий. Это произошло в 1485 году во время битвы при Босворте. Во время этого решающего сражения один из союзников короля перешел на сторону его противника, графа Ричмонда. Положение Ричарда Третьего стало критическим и он воспользовался последним шансом, чтобы выиграть битву — попытался сам убить графа Ричмонда. Эта фантастическая попытка была близка к успеху: проявив чудеса храбрости и одолев нескольких противников, Ричард Третий прорвался к Ричмонду, убил стоявшего рядом с ним знаменосца, но был сам убит.

Именно в этот кульминационный момент в хронике Шекспира «Ричард Третий» и произносится одна из самых известных фраз в мировой литературе: «A horse! a horse! my kingdom for a horse!» — «Коня! Коня! Всё царство за коня!». Чтобы понять смысл этой фразы, прочитаем сцену, где она звучит.

Сцена 4
Другая часть поля

Шум битвы.
Входит Норфолк с войсками.
К нему обращается Кэтсби.

Кэтсби

На помощь, добрый Норфолк, помогите!
Король творит отвагой чудеса,
Стремясь любой опасности навстречу.
Повержен конь, он пешим бой ведет
И к Ричмонду стремится в глотке смерти.
Спасите, лорд, иначе всё пропало.

Шум битвы. Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня! Коня! Всё царство за коня!

Кэтсби

Бегите, сир! Вас проведу к коню.

Король Ричард

Раб, жизнь свою на кон бросая,
Перед костями смерти устою.
Шесть ричмондов, я думаю, на поле.

Я пятерых сразил, но не его.
Коня! Коня! Всё царство за коня!

Уходят

(перевод Александра Шапиро)

Scene 4
Another part of the field

Alarum; excursions.
Enter NORFOLK and forces; to him CATESBY

Catesby

Rescue, my Lord of Norfolk, rescue, rescue!
The King enacts more wonders than a man,
Daring an opposite to every danger.
His horse is slain, and all on foot he fights,
Seeking for Richmond in the throat of death.
Rescue, fair lord, or else the day is lost.

Alarums. Enter King Richard

King Richard

A horse! a horse! my kingdom for a horse!

Catesby

Withdraw, my lord! I'll help you to a horse.

King Richard

Slave, I have set my life upon a cast
And I will stand the hazard of the die.
I think there be six Richmonds in the field;
Five have I slain to-day instead of him.
A horse! a horse! my kingdom for a horse!

Exeunt

Что же нужно Его Величеству? Кэтсби думает, что король хочет сбежать. Это, безусловно, не так: Шекспир наградил Ричарда Третьего многими пороками, но трусости среди них нет. Наоборот, король отважен до безумия. Вдобавок, он сам говорит, что не боится сражаться в решающий момент.

Чтобы понять значение фразы «Коня! Коня! Всё царство за коня!», надо учесть, что язык Шекспира богат всевозможными литературными изысками. К примеру, что означают слова: «Шесть ричмондов, я думаю, на поле. Я пятерых сразил, но не его»? О каких шести ричмондах идёт речь? Дело в том, что в пятнадцатом веке дворян высокого ранга было легко отличить в бою: они сражались в доспехах и верхом. По мнению некоторых современных исследователей, говоря о шести ричмондах, Ричард имеет в виду шесть тяжеловооруженных рыцарей в неприятельском войске. Один из этих шести рыцарей — граф Ричмонд, но во время боя, конечно же, их непросто различить между собой. В то же время, отличить их от всех остальных не составляет труда — это всадники. И теперь становится понятен смысл фразы Ричарда: ему нужен не конь, а всадник! Он хочет сразиться с последним, шестым всадником, который и должен быть графом Ричмондом.

В этом отрывке Шекспир дважды использует один и тот же литературный приём: называет целое по его части. Так, ричмондами названы шесть всадников, только один из которых Ричмонд, а конём назван всадник. Этот приём называется «синекдоха» и часто встречается в самых разных случаях. К примеру, клинком называют меч, кровом называют дом, лицом — человека и. т. п.

Распространено ошибочное мнение, что король ищет коня для того, чтобы продолжить бой верхом. Это значит, что в критический момент, оставшись посреди боя без коня, Ричард пробивается из «глотки смерти» в свой лагерь, чтобы там найти (если повезёт) коня, а после этого вернуться в сражение, чтобы убить Ричмонда. Выглядит это сомнительно для реального сражения и уж совсем маловероятно для сверхплотной развязки шекспировской драмы. Гораздо характернее для такого персонажа, как Ричард, желание рискнуть всем и попытаться пешим пробиться к последнему всаднику. Кроме того, Ричард говорит Кэтсби, что *устоит* (в оригинале *stand*) — в этом есть намек на то, что он продолжит бой пешком. И, действительно, сразу же после фразы «Коня! Коня! Всё царство за коня!» начинается новая сцена, в которой Ричард Третий сражается с графом Ричмондом и гибнет от его руки.

Еще одна интересная игра слов встречается во фразе: «Раб! Жизнь свою на кон бросая, Перед костями смерти устою». Здесь обыгрывается двойное значение слова «кости»: символ смерти и игральные кости. В оригинале эта игра слов построена на двойном значении слова «die»: как глагол, оно значит «умирать», а как существительное — «игральная кость».

Глава 4
Глаз ветра

В древней скандинавской поэзии поэты-скальды старались не употреблять слова в прямом значении. Например, вместо слова «корабль» скальд говорил «олень моря». Вместо слова «щит» — «луна ладьи», поскольку викинги вешали свои круглые щиты на борт корабля, то бишь, оленя моря. Подобные словосочетания называются кённингами. Это один из трёх основных поэтических приёмов поэзии скальдов.

Занятно, что чуть ли не самое известное слово современного английского языка происходит от одного из таких древнескандинавских кённингов. Этот кённинг — «глаз ветра», а означает он: окно. Вслед за скандинавами, англичане стали называть окна выражением «глаз ветра». Первое упоминание словосочетания «wind eye» относится к 1225 году. Со временем выражение «wind eye» превратилось в привычное «window». А в поэзии у слова «window» осталось архаичное значение — «глаза», «очи». Любопытно, что русские слова «око» и «окно» тоже имеют общее происхождение.

В России из всей поэзии скальдов наиболее известны «Висы радости» Харальда Сигурдсона. Этот варяжский принц, пират и поэт 11-го века посватался к Елизавете — дочери киевского князя Ярослава Мудрого. Получив отказ, он совершил несколько очень удачных набегов на Южную Европу, захватил баснословные богатства, стал норвежским королём и только после этого получил руку русской княжны. Во время своих странствий он написал шестнадцать строф, посвященных «Элизабет, дочери конунга Ярицлейва». В них Харальд описывает свои приключения и успехи. При этом каждая строфа заканчивалась словами: «Но девушка на Руси не благосклонна ко мне». Вот вторая из шестнадцати строф оригинала, в которой говорится о набеге на Сицилию:

Sneið fyr **S**ikiley víða
súð. Vórum þá prúðir.
Brýnt skreið, **v**el til **v**ánar,
vengis hjörtr und drengjum.
Vættik **m**innr, at **m**otti
mani enn þinig nenna.

Þó lætr **G**erðr í **G**örðum
gollhrings við mér skolla.

Конь скакал дубовый
Килем **к**руг Сикилии,
Рыжая и **р**ажая
Рысь морская **р**ыскала.
Разве слизень **р**атный
Рад туда пробраться?
Мне от **Н**анны **н**иток
Несть из Руси вести.

(перевод С. Петрова)

В оригинале кённинг «vengis hjörtr» — «олень моря» как раз и означает «корабль». Кроме того, в оригинале этой висы видно, что в каждой паре строк три слова начинаются на один и тот же звук. Это показывает, как в поэзии скальдов используется её второй основной приём — аллитерация.

Третьим основным приёмом у скальдов была жесткая структура стихотворения. Строгие правила поэзии скальдов привели к её окостенению. Михаил Гаспаров в «Очерке истории европейского стиха» так пишет об этом: «Совершенно очевидно, что столь жестко организованный стих теряет всякую гибкость, становится достоянием изощренных профессионалов».

И, действительно, изощрёнными стилистическими приёмами скальдов почти никто не пользуется. Одно из немногих исключений — эльфийские стихи Джона Рональда Руела Толкина. Он наделил своих высоких, светловолосых и светлоглазых эльфов многими скандинавскими чертами. А будучи выдающимся знатоком средневековой поэзии, в эльфийских стихах Толкин умело пользуется стилистическими приёмами скандинавских скальдов. Так, к примеру, в следующем отрывке в каждой строке ровно три слова начинаются на один и тот же звук.

Then the **f**ame of the **f**ights on the **f**ar marches
was **c**arried to the **c**ourts of the **k**ing of Doriath,
and **t**ales of **T**úrin were **t**old in his halls,
of the **b**ond and **b**rotherhood of **B**eleg the ageless
with the **b**lack-haired **b**oy from the **b**eaten people.

Рассказы о **р**убке на дальних **р**убежах

дошли ко двору короля Дориата,
и звонкие песни звучали в его залах,
о боевом братстве с Белегом вечным
темноволосого юноши Турина Турамбара.

(перевод Александра Шапиро)

Но вернемся к слову «window». Мы знаем, что его архаичное поэтическое значение — «глаза», «очи». Именно это значение обыгрывает Шекспир в весьма любопытном монологе Якимо в пьесе «Цимбелин»:

Якимо

Как разметалась ты! цветок лилейный,
Белее простынь! Если бы коснуться!
Лишь поцелуй один! У несравненных
Рубинов нежен он! Её дыханье
Благоухает. Огонёк лампады,
Склоняясь, подсмотрел бы ей под веки,
Чтоб скрытый свет узреть очей лазурных,
Которые сейчас сомкнуло небо
Своею тёмной синевой.

(перевод Александра Шапиро)

Iachimo

How bravely thou becom’st thy bed! fresh lily,
And whiter than the sheets! That I might touch!
But kiss; one kiss! Rubies unparagon’d,
How dearly they do’t! «Tis her breathing that
Perfumes the chamber thus. The flame o’ th’ taper
Bows toward her and would under-peep her lids
To see th’ enclosed lights, now canopied
Under these windows white and azure, lac’d
With blue of heaven’s own tinct.

В этом отрывке Шекспир пользуется характерным приемом: создает красивый образ с помощью сложной игры слов. Дело в том, что центральный объект в монологе Якимо — огонь свечи. По одну сторону от него находятся закрытые окна-«windows»,

за которыми — синее небо. А по другую сторону находятся закрытые очи-«windows», за которыми — синие глаза.

У Шекспира крайне редко встречаются банальные образы и сравнения. И монолог Якимо — это единственное место во всех шекспировских пьесах, где цвет «blue» (голубой, синий) описывает небо.

Глава 5
Слон бьет c3 — мат

В правилах Международной Шахматной Федерации один раздел посвящён рокировке. Там говорится, что шахматист может рокироваться, если его король и ладья еще не ходили, а также, если выполнено ещё несколько условий. Сама рокировка происходит следующим образом: король передвигается на две клетки в сторону ладьи, а ладья ставится на поле, через которое прошёл король.

Однажды смекалистый голландский мастер Тим Краббе провел королевскую пешку и превратил её в ладью и при этом не ходил королём. А потом, к вящему ужасу шахматных бюрократов, он сделал совершенно законную вертикальную рокировку. После этого в правила добавили ещё одно условие о том, что рокируют только по горизонтали.

Шахматы изредка упоминаются в крупных поэтических произведениях и обычно читателю достаточно знать основные правила, чтобы понять, о чём идёт речь. Одно из немногих исключений — первая реплика Катарины в «Укрощении строптивой». Когда отец Катарины предлагает женихам ухаживать сперва за ней, как за старшей дочерью, она произносит:

> I pray you sir, is it your will,
> To make a stale of me amongst these mates?

Дословно это значит:

> Прошу Вас, отец, неужели Вы хотите
> Сделать меня приманкой (stale) для этих женихов (mates)?

Как мы уже знаем, Шекспир часто и мастерски использовал сложную игру слов. Для того чтобы понять игру слов в этой реплике, надо знать, по каким правилам играли в шахматы в елизаветинской Англии. В наши дни часто слабейшая сторона ищет спасения с помощью пата (по-английски пат — stalemate, а мат — checkmate или просто mate). Но во времена Шекспира в шахматах запатованная сторона побеждала! Это значит, что

в своей реплике строптивая Катарина лишь с виду показывает свою слабость. Но в то же время она игрой слов тонко намекает на то, что она при всей слабости ничуть не хуже мужчин.

Дословно перевести эту реплику невозможно. Вместе с тем, совершенно необходимо, чтобы в первых словах Катарины был нетривиальный второй смысл. Например, так:

> Хотите ль Вы, чтоб я была как пешка
> В конце доски среди чужих фигур?

(перевод Александра Шапиро)

Говоря о гениальном Шекспире, уместно вспомнить некоторых его менее талантливых современников. Обычно взбалмошные гении развивают искусство в новых направлениях. А сохраняют и приумножают все новое — методичные образованные зануды. Одним из таких выдающихся зануд был Карел ван Мандер — голландский художник, драматург и искусствовед. Он был художником неплохим. К примеру, его картина «Сад любви» выставлена в Эрмитаже.

Ван Мандер был весьма наблюдателен: прожив в Риме три года с 1574 по 1577, он был первым, кто обнаружил римские катакомбы. На обратном пути в Голландию он посетил Вену и вместе со скульптором Хансом Монтом воздвиг триумфальную арку для императора Рудольфа Второго. Будучи в Италии, ван Мандер прочитал жизнеописания художников, составленные Вазари. Вдохновившись этой работой, он написал в стихах основательный труд под названием «Книга о художниках». Эта книга стала первым энциклопедическим искусствоведческим трудом в Северной Европе. Одним из учеников Карела ван Мандера был великий Франс Хальс, который, как и полагает гениям, не перенял маньеризм своего учителя, но открыл собственное уникальное сочетание барокко и реализма.

А в наши дни Карел ван Мандер известен одной своей картиной, которую он написал во время визита в Англию в 1603—04 годах. Эта картина изображает двух человек, играющих в шахматы. Некоторые исследователи считают, что изображены Бен Джонсон и Уильям Шекспир.

Карел ван Мандер, «Бен Джонсон и Уильям Шекспир играют в шахматы»

Два современника, поэта, актера, драматурга. Начитанный столичный интеллектуал Джонсон играет белыми против малообразованного провинциального Шекспира — величайшего поэта всех времен.

Иногда зануда Джонсон упрекал Шекспира. Однажды — в том, что действие «Зимней сказки» происходит в Богемии на берегу моря, в то время, как у Богемии нет выхода к морю. Другой раз — в недостаточной элитарности произведений Шекпира. Но когда Шекспир умер, Джонсон посвятил ему прекрасную оду «Памяти моего ненаглядного» и оценил его талант по достоинству.

Шахматные зануды выяснили, как выглядели фигуры в те времена и восстановили позицию. На ней если черные побьют слоном на c3, то белые получают мат. На картине Шекспир держит в руках черного слона и собирается сделать ход.

Глава 6
Немногие

Немногие — the Few — так в Британии называют летчиков, которые в 1940 году выиграли Битву за Британию и фактически спасли британцев от фашисткого нашествия. Отчасти прозвище the Few отсылает к словам из шекспировской речи Генриха Пятого «We few, we happy few, we band of brothers», что в переводе означает «Мы — немногие, мы — счастливые немногие, мы — ватага братьев».

Но в основном прозвищем «Немногие» летчики обязаны фразе из речи Уинстона Черчилля, которую он произнес в 1940 году: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов так сильно не были обязаны столь многие столь немногим.»

Хорошо известно, что у сэра Уинстона Черчилля был неплохой литературный слог. Конан Дойль считал молодого Черчилля ни больше ни меньше лучшим стилистом Британии. С возрастом литературный талант только развился, и свою Нобелевскую премию Черчилль получил по литературе, причем на награждении были особо отмечены его речи.

Что касается фразы о немногих, то у нее любопытная история. По всей вероятности Черчилль позаимствовал фразу из романа Конан Дойля «Беглецы». В романе действие происходит в Америке и, говоря об ирокезах, которые контролировали огромные площади, Конан-Дойль пишет: «Вероятно, еще никогда в мировой истории столь немногие люди контролировали столь большие территории так долго». Черчилль очень любил исторические романы Конан Дойля, а роман про ирокезов «Беглецы» был Черчиллю особо интересен по довольно забавной причине. Дело в том, что в нем самом текла кровь ирокезов. Черчилль гордился американским происхождением своей матери и знал, что его пра-пра-пра-бабушка была из племени ирокезов. В семейном архиве сохранились письма его энергичной пра-пра-бабушки к одной своей внучке. В одном из писем пра-пра-бабушка объясняет свою невероятную энергию: «Это у меня от индейской крови. Ты только не говори маме, что я тебе про это рассказала».

А британские летчики, «Немногие», к концу Второй Мировой

стали супер-профессионалами. В 1944 фашисты бомбили Британию крылатыми ракетами Фау-1. Одним из способов борьбы с Фау-1 у «Немногих» был такой: после того, как крылатую ракету обнаруживает радар, в воздух поднимается самолет, подлетает к ней параллельным курсом и своим крылом подцепляет крыло ракеты. Гироскопы ракеты от такого сбоя не в состоянии вернуть ее на курс и ракета падает. Вот редкий кадр того времени, на котором виден этот способ в действии.

Слева: Фау-1, справа: английский истребитель «Спитфайр»

Что касается шекспировской речи Генриха Пятого, то она так сильна, что её изучают не только филологи, но и менеджеры. Итак, 1415 год, лагерь английской армии, 25 октября — канун дня святых близнецов-мучеников Криспина и Криспиана.

Вестморленд

Вот, были б с нами
Хотя бы десять тысяч англичан,
Что нынче праздные!…

Король Генрих V

Кто так желает?
Кузен мой Вестморленд? Ах, нет, кузен мой;
Коль ждет нас смерть, достаточна потеря
Для родины, но коли ждет нас жизнь,
Чем меньше нас, тем выше будет почесть.
Всевышний бог! Хватает мне людей.
И, черт возьми, я золота не жажду,
Кормись — не жалко — с моего стола,
Печали нет — надень мои одежды:
Мне эта мишура не по нутру.
Но если жажда почестей грешна,

То нет меня виновнее на свете.
Кузен, и впрямь, подмоги не желай;
Всевышний боже! Я такую почесть
Разрознивать хоть с кем бы то еще
Не буду. Не желай ни одного!
Ты, Вестморленд, по стану огласи:
Кому дрожат поджилки перед боем —
И кроны на дорогу в кошелек;
На смерть нейдут в компании того, кто
Боится вместе смерть с тобой принять.

Сейчас канун святого Криспиана,
И кто вернется, кто переживет,
Тот будет подниматься выше ростом
От радости при слове «Криспиан».
Кто выживет, кто позже одряхлеет,
Тот пиршество устроит раз в году,
Сказав соседям: «Завтра — Криспиан»;
Рукав поднявши, он покажет шрамы:
«Я ранен был тогда, в Криспинов день».
Деды позабывают всё, но этот,
Он будет хорошенько вспоминать,
Про подвиги свои, про имена
Знакомые устам своим порядком:
Король мой Гарри, Бедфорд, Эксетер,
Уорвик, Тальбот, Солсбери и Глостер —
В струеньи чарок вспомнят обо всех.
Историей отец наставит сына,
И Криспиан ни разу не пройдет
От дня сего до светопреставленья,
Чтоб в этот день не вспомнили о нас;
Нас — горсть, счастливых — горсть, единых — братство;
Который нынче кровь со мной прольет —
Мне брат, пускай ледащего рожденья,
День этот знатным сделает его;
А знать, что мнет английские кровати,
Свое непоявленье проклянет
И подожмет достоинство, лишь слово
Возьмет соратник наш в Криспинов день.

(перевод Александра Шапиро)

Westmoreland

O that we now had here
But one ten thousand of those men in England
That do no work to-day!

King Henry V

What's he that wishes so?
My cousin Westmoreland? No, my fair cousin:
If we are mark'd to die, we are enow
To do our country loss; and if to live,
The fewer men, the greater share of honour.
God's will! I pray thee, wish not one man more.
By Jove, I am not covetous for gold,
Nor care I who doth feed upon my cost;
It yearns me not if men my garments wear;
Such outward things dwell not in my desires:
But if it be a sin to covet honour,
I am the most offending soul alive.
No, faith, my coz, wish not a man from England:
God's peace! I would not lose so great an honour
As one man more, methinks, would share from me
For the best hope I have. O, do not wish one more!
Rather proclaim it, Westmoreland, through my host,
That he which hath no stomach to this fight,
Let him depart; his passport shall be made
And crowns for convoy put into his purse:
We would not die in that man's company
That fears his fellowship to die with us.
This day is called the feast of Crispian:
He that outlives this day, and comes safe home,
Will stand a tip-toe when the day is named,
And rouse him at the name of Crispian.
He that shall live this day, and see old age,
Will yearly on the vigil feast his neighbours,
And say «To-morrow is Saint Crispian:»
Then will he strip his sleeve and show his scars.
And say «These wounds I had on Crispin's day.»
Old men forget: yet all shall be forgot,
But he'll remember with advantages
What feats he did that day: then shall our names.
Familiar in his mouth as household words
Harry the king, Bedford and Exeter,
Warwick and Talbot, Salisbury and Gloucester,
Be in their flowing cups freshly remember'd.

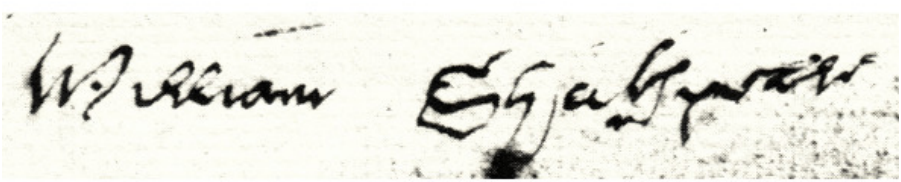
This story shall the good man teach his son;
And Crispin Crispian shall ne'er go by,
From this day to the ending of the world,
But we in it shall be remember'd;
We few, we happy few, we band of brothers;
For he to-day that sheds his blood with me
Shall be my brother; be he ne'er so vile,
This day shall gentle his condition:
And gentlemen in England now a-bed
Shall think themselves accursed they were not here,
And hold their manhoods cheap whiles any speaks
That fought with us upon Saint Crispin's day.

Глава 7
Инициалы

Недавно я стихами как-то свиснул
И выдал их без подписи моей

А. С. Пушкин

Родившийся в 1571 году англичанин Вентворт Смит (Wentworth Smith) был бездарным драматургом. Но в отличие от творчества других бездарных драматургов английского Ренессанса, творчество Вентворта Смита относительно неплохо изучено. Причина этого в том, что несколько раз Вентворт Смит совершил вполне естественное для писателя действие — подписал пьесу своими инициалами: WS. А все тексты того времени, подписанные инициалами WS, изучаются особенно тщательно. Современные исследователи проверяют: это неудачное творение Уильяма Шекспира (William Shakespeare) или серьезный труд кого-то другого. Сохранилось всего шесть подписей Шекспира. Вот так выглядит его последняя подпись, оставленная им на завещании.



Подпись Шекспира на завещании

Шекспир зарифмовал одно из своих стихотворений так, что слова «William Shakespeare» стали последней строчкой. Фамилия Шекспира в переводе означает «трясти копьём». И в несколько вольном переводе Якушкиной эта подпись выглядит так.

…
У этой урны реквием споем
О чести, верности невиданной вздохнем,
О Птицах, возлежащих здесь вдвоем.

Уильям, Потрясающий Копьем.

…
To this urne let those repair,
That are either true or faire,
For these dead Birds, sigh a prayer.
William Shake-Speare

Многие замечательные поэты прятали свое имя в собственных стихах. Великий китайский поэт Ли Бо часто упоминал Венеру, поскольку на китайском название планеты звучит похоже на имя поэта.

Роберт Фрост в одном из своих чудесных стихотворений не случайно использует в конце стихотворения (третья строка снизу) слово «frost» — «морозец».

Роберт Фрост
Октябрь

О, кротость утра в октябре.
Листы хрупки в своей красе,
И на заре подуй борей —
Растратит все.
Над лесом слышен зов гусей,
Назавтра лягут на крыло.
О, кротость утра в октябре,
Пусть будет на заре светло,
Неспешным сделай день такой.
Сердца открой к твоей игре,
Чтоб нас игрою отвлекло:
Лист первый утром отдели,
К полудню оброни другой;
Потом — в саду, затем — вдали;
За дымкой солнце спрячь, и лей
Багрянца чары по земле.
Постой, постой!
Винограда ради, чей лист поник,
По стене начав, как Сизи**ф, рост**,
Чья иначе потеряна будет гроздь —
Виноградин ради, лишь ради них.

(перевод Александра Шапиро)

Robert Frost
October

O hushed October morning mild,
Thy leaves have ripened to the fall;
To-morrow's wind, if it be wild,
Should waste them all.
The crows above the forest call;
To-morrow they may form and go.
O hushed October morning mild,
Begin the hours of this day slow,
Make the day seem to us less brief.
Hearts not averse to being beguiled,
Beguile us in the way you know;
Release one leaf at break of day;
At noon release another leaf;
One from our trees, one far away;
Retard the sun with gentle mist;
Enchant the land with amethyst.
Slow, slow!
For the grapes' sake, if they were all,
Whose leaves already are burnt with **frost**,
Whose clustered fruit must else be lost-
For the grapes' sake along the wall.

Великий немецкий поэт Райнер Мария Рильке умер в 1926 году от лейкемии. Сам он считал, что умирает от заражения крови, которое у него началось после укола шипом розы. Он написал эпитафию самому себе.

Роза… прекословие к**райне р**адостное…
сном не быть ничьим среди стольких
век.

(перевод Александра Шапиро)

Rose, oh **reiner** Widerspruch, Lust,
Niemandes Schlaf zu sein unter soviel
Lidern.

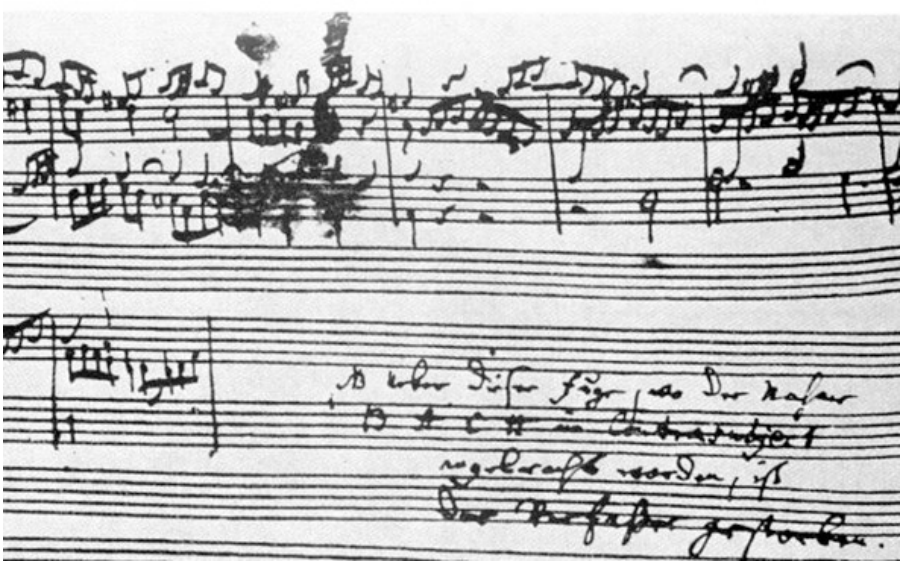
В оригинале слово «reiner» является своеобразной подписью, поскольку оно звучит так же, как имя поэта. В переводе это

созвучие удалось сохранить в первой строке: «Роза… прекословие к**райне р**адостное…»

У Михаила Щербакова одна из песен заканчивается словами

> …
> ты компас наш земной, а также посох и праща,
> ты знаешь, как отчизну обустроить сообща.
> Откликнись, невидимка!» Но асфальтовая дымка
> молчит, за нашу косность нам отмщая, мстя и даже мща.
> Конечно, мща…

Последнее слово «мща», скорее всего, является своеобразной подписью — вместо инициалов «М. Щ.»

В музыке первые восемь букв латинского алфавита обозначают ноты: A — ля, B — си-бемоль, C — до, D — ре, E — ми, F — фа, G — соль, H — си. Иоганн Себастьян Бах написал для своей жены, Анны Магдалены, сборник произведений. Этот сборник называется «Нотная тетрадь Анны Магдалены Бах». Начинается сборник произведением, написанным в ля-миноре. Тональность ля-минор обозначается буквами Am — инициалами Анны Магдалены.

И. С. Бах, Контрапункт XIV, последняя страница

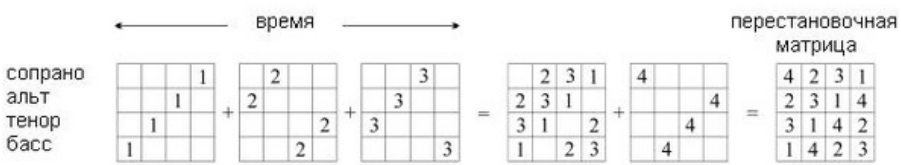
Интересная история связана с последней подписью Баха. Одно из самых известных незаконченных музыкальных

произведений — «Искусство фуги» Баха. Оно состоит из 4-х канонов и 14-ти фуг, последняя из которых обрывается на 239-м такте.

На последней странице рукописи есть пометка, сделанная Карлом Филиппом Эммануэлем Бахом (сыном Иоганна Себастьяна): «Über dieser Fuge, wo der Nahme B A C H im Contrasubject angebracht worden, ist der Verfasser gestorben.»

В переводе с немецкого это означает: «Во время работы над этой фугой, в которой тема B A C H была введена в теме противосложения, композитор скончался.» Таким образом, в этой фуге с помощью нот Бах оставил свой последний автограф.

Эта фуга была задумана как квадрупль — фуга в четырех частях, но сохранились лишь три первые части. 240 лет музыковеды строили предположения о том, как должна быть построена четвертая часть, а различные композиторы дописывали фугу — есть два десятка различных вариантов. В 1991 году венгерский композитор Золтан Гёнц (который сам часто пишет в классическом стиле) заметил, что четыре голоса в первых трех частях образуют перестановочную матрицу.



Перестановочная матрица голосов фуги

С помощью этой блестящей догадки Гёнцу удалось восстановить структуру и тему четвертой части. Теперь эту фугу часто исполняют с окончанием, найденным Гёнцем.

Для того, чтобы понимать и воспринимать этот шедевр, необходимо познакомится поближе с основной идеей «Троицы». Центральный образ иконы в прямом и в переносном смысле — чаша. В прямом смысле все просто: на столе стоит одна лишь чаша, в которой находится напиток багряного цвета. Это вполне

понятный христианский символ. Он связан с молением о чаше: «Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» — с этими словами Иисус Христос обращается в Гефсиманском саду ко Всевышнему. Легендарная чаша Грааля — чаша, в которую была собрана кровь Христа на следующий день.

Инициалы Андрея Рублёва можно увидеть на иконе «Троица».

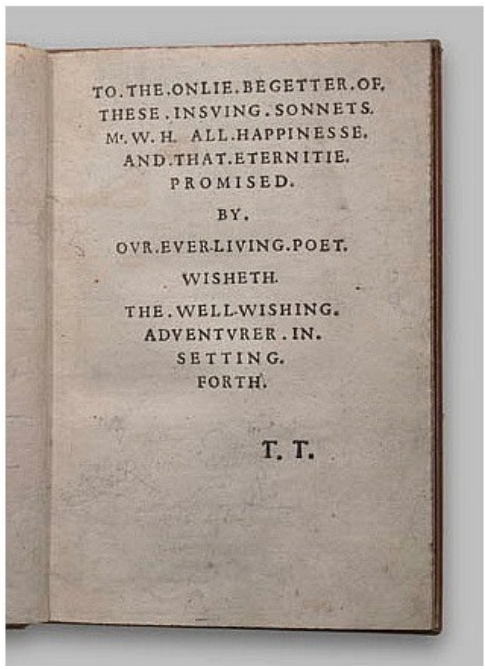
Андрей Рублёв, «Ветхозаветная Троица»

Чтобы понять более глубокий переносный смысл, надо обратить внимание на композицию иконы. На ней изображены три ангела, которые пришли к праотцу Аврааму — собственно, полное название иконы: «Ветхозаветная Троица». Изображая этих ангелов, Рублёв с помощью символов передает идею христианского триединого бога, объединяющего в себе бога-отца, бога-сына и святого духа. Левый ангел соответствует богу-отцу, над ним изображено здание — символ созидания. Средний ангел соответствует Христу, над ним изображено дерево — символ

умирания и возрождения. Правый ангел соответствует святому духу, над ним изображена вершина скалы — символ горних высот.

Внешние очертания ангелов образуют круг — символ единства и целостности. Внутренние очертания крайних ангелов образуют чашу, в центре которой находится одетый в багряную одежду средний ангел, который, как мы уже знаем, соответствует Христу. В этой замечательной композиции как раз и проявляется гениальный замысел Андрея Рублёва. А его подпись мы видим в сидениях левого и правого ангелов: сидения образуют буквы Р и А — инициалы Андрея Рублёва.

Что касается инициалов, связанных с Шекспиром, то самые загадочные находятся на странице с посвящением в первом издании сонетов, выпущенном в 1609 году. Выглядит это посвящение так:


TO.THE.ONLIE.BEGETTER.OF.
THESE.INSVING.SONNETS.
Mr.W.H. ALL.HAPPINESSE.
AND.THAT.ETERNITIE.
PROMISED.
BY.
OVR.EVER-LIVING.POET.
WISHETH.
THE.WELL-WISHING.
ADVENTVRER.IN.
SETTING.
FORTH.
T. T.

Посвящение сонетов в издании 1609 года

Вот перевод этого посвящения на русский:

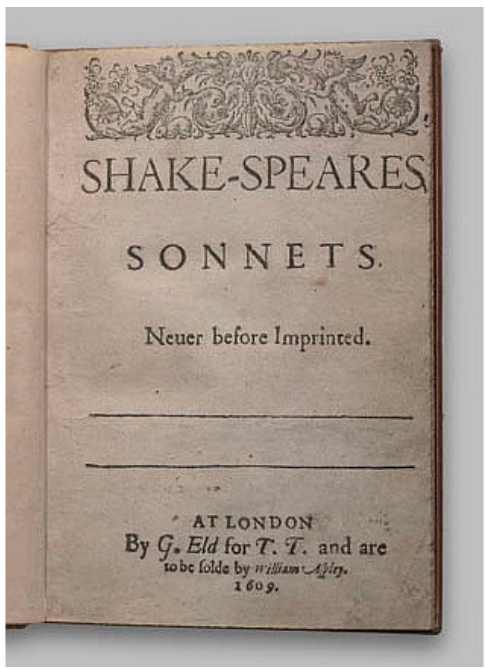
Единородному зачинателю следующих сонетов мистеру У.Х.

всего наилучшего, а также вечность, обещанную нашим вечно-живущим поэтом, желает доброжелательный предприниматель, представляющий это вашему вниманию, Т.Т.

Если записать посвящение в нормальном порядке, без инверсий, то получится следующее:

Доброжелательный предприниматель Т.Т. представляет вашему вниманию следующие сонеты и желает их единородному зачинателю всего наилучшего, а также вечность, обещанную нашим вечно-живущим поэтом.

Возникает естественный вопрос: «Кто все эти люди?» Начнем по порядку. Доброжелательный предприниматель Т.Т. — это Томас Торп, издатель этого сборника сонетов. Его инициалы стоят и внизу на титульном листе издания:


SHAKE-SPEARES

SONNETS.

Neuer before Imprinted.

AT LONDON
By G. Eld for T. T. and are
to be solde by William Aspley.
1609.

Титульный лист сонетов в издании 1609 года

Насчет Томаса Торпа сомнений нет ни у кого. А вот кто такие «вечно-живущий поэт» и «единственный зачинатель сонетов мистер У. Х»? Кого только не предлагали в качестве этой пары!… Есть множество теорий заговора, в которых «вечно-живущим поэтом» является и сам Шекспир, и Кристофер Марлоу, и Бен Джонсон, и даже Ее Величество королева Елизавета. Что касается «мистера У.Х.», то, вероятно, в елизаветинской Англии нет

человека с этими инициалами, которого бы сторонники различных теорий заговора не прочили на эту роль. От могущественного графа Уильяма Херберта Пемброка до помощника Торпа печатника Уильяма Холла…

На самом деле все гораздо проще. Слово «поэт» происходит от греческого слова «poein» — создавать. К примеру, в русском языке есть слово «эпопея», которое происходит от двух слов: «эпос» — повествование и «poein» — создавать. Соответственно, «вечно-живущий поэт» — это господь бог, Создатель. А «вечность, обещанная нашим вечно-живущим поэтом» — это райская жизнь. В те времена многие образованные люди неплохо знали греческий, поэтому читателям была очевидна несложная лесть Торпа, который сопоставил поэта — создателя сонетов и вечного Создателя. Вдобавок, традиционное обозначение Иисуса — monogenes theos, что в переводе с латыни на английский означает only-begotten Son, а на русский — единородный Сын. Соответственно, фраза the onlie begetter еще сильнее подчеркивает сравнение автора сонетов с Создателем.

С мистером У.Х. все еще проще — его нет. Если мы обратим внимание на посвящение, то увидим, что оно выполнено необычным стилем: заглавными буквами, разделенными точками вместо пробелов. И только в одном месте — после инициалов W.H. и перед словом ALL — есть пробел. Это означает, что, скорее всего, там ошибся наборщик. Нетрудно понять, что это за ошибка: наборщик поставил букву H вместо буквы S. И вместо несуществующего мастера W.H. там находится наш хороший знакомый W.S. — единородный зачинатель этих сонетов.

Глава 8
Флора и фауна

В викторианской Англии одно время давали детям второе имя для того, чтобы подросток мог использовать второе имя, если будет недоволен первым. Британцы хорошо разбирались в психологии подростков, и поэтому девочкам давали редкое первое и распространенное второе имена, а мальчикам — наоборот. Например: Чарльз Лютвидж Доджсон, Джером Клапка Джером, Джозеф Редьярд Киплинг, Уильям Мэйкпис Теккерей и т. п.

В 1863 году в английском графстве Страффордшир возле небольшого очаровательного озера под названием Редьярд повстречались и полюбили друг друга молодой человек и девушка. Вскоре они поженились и у них родился сын. Эта пара назвала своего сына в память о красивых местах, где они встретились. Так появился на свет Джозеф Редьярд Киплинг.

Вскоре Киплинги уехали в Индию, где и вырос Джозеф Редьярд. Он хорошо знал хинди, и это отразилось в именах его персонажей. Так, на хинди слово «хатхи» означает «слон», слово «балу» — «медведь-губач», а слово «багира» — «леопард».

По какому-то забавному совпадению, при переводе книг Киплинга на русский язык, представителям семейства кошачьих меняли пол. В оригинале леопард Багира мужского рода. И если в рассказах о Маугли такая неточность перевода не имеет особого значения, то в сказке «Кот, который гулял сам по себе» это уже критично. Ведь, взаимоотношения независимого кота и Женщины становятся гораздо более нетривиальными.

Единственный из кошачьих, кто сохранил в переводе мужской род, это тигр Шер-Хан. Возможно, это связано с тем, что Шер-Хан носит человеческое имя. Во время своего визита в Афганистан Киплинг встретился с правителем провинции афганской Кундуз. Звали правителя Шер хан Нашер и был он человеком жестким и властным.

В русской поэзии самая известная операция по перемене пола была сделана Лермонтовым.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горючем
Прекрасная пальма растёт.

Это перевод стихотворения Гейне, в оригинале которого пальма снится дереву под названием ein Fichtenbaum.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'.
Ihn schläfert; mit weisser Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

В немецком языке это слово означает «сосна» и оно мужского рода. А в данном случае грамматический род гораздо важнее биологического вида. Причина проста: у Гейне все стихотворение представляет собой одну большую метафору любви и разлуки. А перевод Лермонтова при всём изяществе формы к содержанию оригинала имеет весьма отдаленное отношение, поскольку ein Fichtenbaum у Михаила Юрьевича сменил пол и превратился в сосну.

Естественно, для точного перевода стихотворения Гейне нужно сохранить мужской род первого дерева, даже если для этого и придется изменить его биологический вид и назвать, скажем, кедром, дубом или любым другим северным деревом мужского рода.

Похожую ошибку допустили абсолютно все переводчики «Ромео и Джульетты». У Шекспира сцена прощания начинается, когда Джульетта говорит Ромео, что еще не утро, а его разбудил nightingale (в дословном переводе — соловей), а не lark — жаворонок. Но в текстах Шекспира nightingale (соловей) женского

рода, a lark (жаворонок) — мужского. В этой сцене род птиц не случайно соответствует мужскому и женскому полу персонажей. Поэтому будет правильнее в переводе поменять соловья на какую-нибудь небольшую птицу женского рода, которая поет в садах вечером или ночью. К примеру, на иволгу.

Сцена 5
Сад Капулетти.
Наверху, в окне, видны Ромео и Джульетта

Джульетта

Уходишь ты? но день еще далёк:
Не жаворонок, иволга пронзила
Ложбинный трепет уха твоего;
В ночи она поёт с того граната:
Любимый, верь, то иволга была.

Ромео

То жаворонок был — глашатай утра.
Не иволга.

(перевод Александра Шапиро)

Scene V
Capulet's orchard
Enter Romeo and Juliet aloft at the window

Juliet

Wilt thou be gone? it is not yet near day:
It was the nightingale, and not the lark,
That pierced the fearful hollow of thine ear;
Nightly she sings on yon pomegranate-tree:
Believe me, love, it was the nightingale.

Romeo
It was the lark, the herald of the morn,
No nightingale.

Мы видим, что для правильного перевода стихотворения Гейне нужно поменять сосну на дерево мужского рода, а для

правильного перевода сцены прощания следует поменять соловья на другую птицу. Вообще, в поэзии не всегда нужно строго следить за биологическими нюансами. Около тысячи лет назад Испания несколько веков находилась под властью Арабского Халифата. И владычество просвещенного Арабского Халифата оказало положительное влияние на полудикую Испанию: в Испании появились развитые науки и искусства, в том числе и поэзия. Но поэты, жившие в Испании, должны были придерживаться классических канонов арабской поэзии. Например, воспевать красоту верблюда, которого ни сами поэты, ни их читатели не видели. Естественно, в какой-то момент испанская поэзия отошла от канонов, стала ближе к европейским реалиям и оказала большое влияние на появление творчества трубадуров.

Нечто подобное случилось и в американской поэзии. Образ соловья достался американским поэтам по наследству от великой британской литературы. Некоторое время в американских стихах упоминались соловьи, которые в Новом Свете не обитают. И отказ от британских канонов ускорил развитие американской поэзии.

Глава 9
Игра слов

Что общего между изогнутой слоеной булочкой и нарастанием звука в музыке? Оказывается, слова, которыми мы их называем — однокоренные. Французское слово «круассан» и итальянское слово «крещендо» происходят от латинского глагола «crescere», означающего «расти», «увеличиваться». Сперва от этого глагола произошло название растущей луны, потом так стали называть не только увеличивающийся, но и уменьшающийся месяц, а затем и булочку, выпеченную в форме месяца.

В английском языке слово «crescent» не только обозначает полумесяц, но еще имеет архаичное значение «расти». Двойное значение слова «crescent» Шекспир обыгрывает два раза. Первый раз — в трагедии «Антоний и Клеопатра», когда Помпей говорит о своих растущих силах. К сожалению, это место невозможно перевести, сохранив игру слов. Второй раз эта игра слов встречается в «Гамлете» в монологе Лаэрта.

Лаэрт

Полна с ущерба не одна природа
В статях и в силе: как растёт сей храм,
Так вместе служба сердца и ума
В нём ширятся. Пусть, любит он сейчас.
Сейчас ни грязь, ни лживость не пятнают
Его достойной воли, но страшись —
Величье тяжко, он не властен волей,
Зане вассал он роду своему.

(перевод Александра Шапиро)

Laertes

For nature crescent does not grow alone
In thews and bulk; but as this temple waxes,
The inward service of the mind and soul
Grows wide withal. Perhaps he loves you now,
And now no soil nor cautel doth besmirch
The virtue of his will; but you must fear,

His greatness weigh'd, his will is not his own;
For he himself is subject to his birth.

Астрология была популярна в елизаветинские времена. В 37 пьесах Шекспира есть более ста аллюзий на разные астрологические темы. В те времена уже было хорошо известно, что луна вызывает приливы и отливы. Вот так Шекспир описывает лунное затмение:

влажная звезда,
В чьей области Нептунова держава,
Болела тьмой, почти как в судный день;

(перевод Михаила Лозинского)

Игра слов в пьесах Шекспира встречается сплошь и рядом. Она есть даже в названии одной из пьес. Каждый, кто читал или смотрел «Много шума из ничего», вероятно, замечал, что название пьесы несколько странно. Как правило, названия пьес Шекспира просты, понятны и связаны с происходящим. А тут — Много шума из ничего, Much Ado About Nothing…

Мы знаем, что во времена Шекспира произношение слов отличалось от современного. Поэтому игру слов, основанную на старинном произношении, мы не замечаем. Слово nothing в те времена произносилось практически, так же, как и слово noting, означающее «подслушивать», «подсматривать», «подмечать». А именно этим весьма часто и занимаются персонажи пьесы. Более того, сцена признания в любви Бенедикта и Беатриче построена на этой игре слов.

Benedick

I do love nothing in the world so well as you: is not that strange?

Beatrice

As strange as the thing I know not. It were as possible for me to say I loved nothing so well as you: but believe me not; and yet I lie not; I confess nothing, nor I deny nothing.

Здесь каламбур nothing/noting обыгрывается один раз Бенедиктом и трижды — Беатриче. Чего только стоит ее фраза I confess nothing, nor I deny nothing»!! У нее могут быть четыре различных значения:» (Я не признаюсь ни в чем) / (я признаюсь в подслушивании), (но и не отрицаю ничего) / (но и не отрицаю подслушивания)». Ещё одна любопытная и тоже непереводимая игра слов встречается в этой пьесе в словах Бенедикта, когда он говорит о том, какой должна быть девушка, чтобы он на ней женился.

Бенедикт

Богатой должна быть, это непременно; умной —
или ну её; добродетельной — иначе и не ввяжусь;
красивой — а не то, даже не взгляну; кроткой — или держись
от меня подальше; знатной — иначе не возьму,
будь у нее золотой характер; разумной в речах,
искусной в музыке, а ее волосы пусть будут
такого цвета, как богу угодно.

Benedick

Rich she shall be, that’s certain; wise,
or I’ll none; virtuous, or I’ll never cheapen her;
fair, or I’ll never look on her; mild, or come not
near me; noble, or not I for an angel; of good
discourse, an excellent musician, and her hair shall
be of what colour it please God.

В этом монологе есть фраза «noble, or not I for an angel». Достловно она означает: «благородной, или не (женюсь), будь она ангелом». Это один из бесчисленых каламбуров Шекспира. Дело в том, что словами noble и angel называли в те времена золотые монеты, причем ангелы ценились чуть выше ноблей. А название «ангел» возникло оттого, что на монете был изображен архангел Михаил, убивающий дракона.

Золотой ангел (корабельник), Англия, XV век

На обратной стороне у нобля и у ангела был изображен корабль. Поэтому в России эти монеты называли «корабельниками», а стоили они в два раза дороже золотого червонца. Например, у Карамзина в «Истории Государства Российского» читаем: «… в 1486 году Иоанн послал царю три шубы — рысью, кунью и беличью, — три соболя и корабельник, жене его и брату, калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу».

Ещё одну интересную игру слов можно увидеть в диалоге между Макбетом и леди Макбет. Этот диалог происходит в тот момент, когда два убийства уже совершены, а третье — запланировано.

Macbeth

It will have blood; they say, blood will have blood.
Stones have been known to move and trees to speak;
Augurs and understood relations have
By maggot-pies and choughs and rooks brought forth
The secret’st man of blood. What is the night?

Lady Macbeth

Almost at odds with morning, which is which.

На первый взгляд, единственная особенность этого отрывка — четырехкратное упоминание слова «кровь» (blood). Начатая здесь тема крови продолжится позже, когда Леди Макбет будет пытаться отмыть кровь с рук. Но в этом отрывке есть еще

две нетривиальные игры слов.

В конце этого отрывка Макбет спрашивает «What is the night?» С одной стороны, он спрашивает: «Что с ночью?», то есть хочет узнать время. С другой стороны, слова «ночь» (night) и «рыцарь» (knight) по-английски звучат одинаково. И Макбет, которого в данный момент тревожит не то совесть, не то — страх перед будущим, интересуется: «Кто это — рыцарь?» То есть, Макбет мысленно сравнивает свои действия с рыцарским кодексом поведения.

Леди Макбет отвечает на вопрос мужа и говорит, что не отличить ночь от утра. При этом она использует выражение «which is which», что в переводе означает приблизительно «что есть что». Это одно из очень многих выражений, которые придумал Шекспир и которые вошли в английский язык. В данном случае использование этого выражения особенно примечательно, поскольку практически сразу же после этих слов начинается сцена с тремя ведьмами. А слова «ведьма» (witch) и «что»/«которое» (which) звучат по-английски одинаково.

Примечания переводчика

К счастью, русский язык настолько богат и гибок, что позволяет сделать адекватный перевод этого отрывка с помощью каламбуров «просторы царь — просто рыцарь» и «ведь мы — ведьмы».

Макбет

Быть крови; говорят: за кровью — кровь.
Деревьев речь, надгробий шевеленья;
Кудесники, гадая по грачам,
По воронам и галкам, уличали
Тишком пустивших кровь. В ночи как видит
Просторы царь?.. Уже как поздно?

Леди Макбет

Ночь с утром ссорится — ведь мы давно здесь.

(перевод Александра Шапиро)

Часть 3
Примечания переводчика

Глава 1
Узнать цитату

В 1918 году британские войска воевали с турками в Палестине. На 14 февраля была запланирована атака на арабскую деревню Михмас. В ночь перед атакой майор Вивиан Джильберт читал Библию. Прочитав 14-ю главу Первой Книги Царств, майор бросился к командиру полка, тот созвал экстренное совещание и план атаки был полностью изменен. О чем же говорится в 14-й главе? Там идет речь об отважном Ионафане, который во главе небольшого отряда евреев сражался против филистимлян. И однажды Ионафан хитростью захватил деревню филистимлян. А называлась деревня… Михмас.

14: Между переходами, по которым Ионафан искал пробраться к отряду Филистимскому, была острая скала с одной стороны и острая скала с другой: имя одной Боцец, а имя другой Сене; одна скала выдавалась с севера к Михмасу, другая с юга к Гиве… И сказал Ионафан: вот, мы перейдем к этим людям и станем на виду у них… Когда… они стали на виду у отряда Филистимского, то Филистимляне сказали: вот, Евреи выходят из ущелий, в которых попрятались они…

Англичане с успехом повторили хитрость Ионафана: небольшой отряд пехоты прошёл по ущелью между скалами Боцец и Сене, а турки, как когда-то филистимляне, решили, что они окружены и поспешили сдаться в плен.

«В ту ночь в Михмасе мы убили или взяли в плен всех турок и таким образом, спустя тысячи лет, британские войска успешно применили военные хитрости Саула и Ионафана…» — так спустя 5 лет написал в своей книге майор Вивиан Джильберт.

Узнавание цитат редко помогает в военных операциях, но для переводчика это умение часто может оказаться необходимым.

Известная библейская фраза «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» впервые встречается в Ветхом Завете в 13-й главе книги пророка Осии. Этими словами Всевышний призывает кару:

14: От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Раскаяния в том не будет у Меня.

Второй раз в точности эта же фраза встречается в Новом Завете в Первом послании к Коринфянам. Но там ее смысл полностью противоположный — это насмешка над бессильными смертью и адом:

54: Когда же тленное это облечется в нетление и смертное это облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть победой».
55: Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?

Кор. 15:54—55

И если в первом случае пунктуация соответствует смыслу, то во втором — конечно же, нет. Точнее было бы записать так: «Смерть! где твое жало?! ад! где твоя победа?!» В этом варианте дополнительная пара восклицательных знаков помогает выразить характерный для Нового Завета пафос торжества над смертью. Эту особенность пунктуации обязательно надо учитывать при переводе аллюзий на библейский текст. Например, в известном стихотворении английского поэта Алескандра Поупа две последние строчки очень близки к библейской фразе.

Александр Поуп
Умирающий христианин к своей душе

Искра Божья, покидай
Остов смертный и взлетай!
Дрожь, надежда, угасанье,
Боль и нега умиранья!
Спор, Природа, прекрати,
И в жизнь позволь мне перейти.

Шепчут ангелы: «Пора!
Отходи, душа-сестра.»
Чем я буду скоро взят?
Ум уводит, застит взгляд,
Глушит дыханье, мысли кружит —
Это ли смерть? — душа, расскажи.

Тускнеет мир; теперь в глазах
Небес просторы, а в ушах —
Звук ангельский. Сначала
Дай мне крыла! Взлетаю я!
О, ад! Победа где твоя?!

О, смерть! Твое где жало?!

(перевод Александра Шапиро)

Alexander Pope
The Dying Christian to his Soul

Vital spark of heav'nly flame!
Quit, O quit this mortal frame:
Trembling, hoping, ling'ring, flying,
O the pain, the bliss of dying!
Cease, fond Nature, cease thy strife,
And let me languish into life.

Hark! they whisper; angels say,
Sister Spirit, come away!
What is this absorbs me quite?
Steals my senses, shuts my sight,
Drowns my spirits, draws my breath?
Tell me, my soul, can this be death?

The world recedes; it disappears!
Heav'n opens on my eyes! my ears
With sounds seraphic ring!
Lend, lend your wings! I mount! I fly!
O Grave! where is thy victory?
O Death! where is thy sting?

В 1921 году Альберт Эйнштейн впервые посетил США. Эйнштейн был сионистом и его визит был туром в поддержку образования Израиля. Впрочем, великий учёный дал несколько лекций в Принстонском университете, где был награждён почётной степенью. Эйнштейн со школьной скамьи был с языками не в ладах, поэтому читал лекции на родном немецком.

На церемонии награждения президент Принстонского университета произнес такие слова: «Мы приветствуем нового Колумба науки, который в одиночку плывет сквозь мысли странные моря». Вряд ли Эйнштейн узнал эту цитату из Вордсворта. А ведь ему сделали самый серьезный комплимент, который может получить ученый в англоязычном мире — Эйнштейна сравнили не только с Колумбом, но и с Ньютоном.

Статуя Ньютона в Кембридже

В конце XVIII века Уильям Вордсворт учился в Кембридже. Из окна своей комнаты он видел статую Ньютона. Позже в ставшей классической поэме «Прелюдия» Вордсворт написал:

> С моей подушки, освещенный светом
> Луны и добрых звезд, я видеть мог

На постаменте статую Ньютона.
Он держит призму. Тихое лицо
Как циферблат ума, что в одиночку
Плывет сквозь Мысли странные моря.

(перевод Александра Шапиро)

And from my pillow, looking forth by light
Of moon or favouring stars, I could behold
The antechapel where the statue stood
Of Newton with his prism and silent face,
The marble index of a mind for ever
Voyaging through strange seas of Thought, alone.

Поэтические цитаты встречаются на каждом шагу, нужно только присмотреться. Взглянем, например, на подсластитель Sweet'n Low.

Подсластитель Sweet'n Low

Скрипичный ключ и нотный стан напоминают об английской колыбельной XIX века на слова Альфреда Теннисона.

Сладкий и легкий, сладкий и легкий,
Ветер западного моря,
Легкий, легкий, вдохни и подуй,
Ветер западного моря!
Над набегающими волнами пойди,
Приди от угасающей луны, и подуй,
Придуй его снова ко мне;
Пока мой малыш, пока мой милый малыш уснул.

(перевод Александра Шапиро)

Sweet and low, sweet and low,
Wind of the western sea,
Low, low, breathe and blow,
Wind of the western sea!
Over the rolling waters go,
Come from the dying moon, and blow,
Blow him again to me;
While my little one, while my pretty one, sleeps.

Если мы посмотрим на известную картину Караваджо «Лютнист», то увидим, что перед лютнистом на столе лежат ноты. Исследователи выяснили, что изображенные на картине ноты — музыка де Лайоля к 11-му сонету Петрарки.

Петрарка
Сонет XI

На солнце ли, в тени, но Вы вуали
с тех самых пор,
как сердца моего большой раздор
стал ясен Вам, не поднимали.

Пока я мысли нежные таил,
И к гибели рассудок мой стремился,
Был жалостью Ваш облик облечён;
Но лишь мой пыл Амуром Вам открылся,

Как золото волос покров сокрыл,
И мир от взглядов милых ограждён.
Я самого желанного лишён:

мной властвует вуаль
до смертной мглы, июль или февраль —
огни прекрасных глаз видны едва ли.

(перевод Александра Шапиро)

Petrarca
Sonetto XI

Lassare il velo o per sole o per ombra,

donna, non vi vid'io
poi che in me conosceste il gran desio
ch'ogni altra voglia d'entr'al cor mi sgombra.

Mentr'io portava i be' pensier' celati,
ch'ànno la mente desïando morta,
vidivi di pietate ornare il volto;
ma poi ch'Amor di me vi fece accorta,

fuor i biondi capelli allor velati,
et l'amoroso sguardo in sé raccolto.
Quel ch'i' piú desiava in voi m'è tolto:

sí mi governa il velo
che per mia morte, et al caldo et al gielo,
de' be' vostr'occhi il dolce lume adombra.

Караваджо, «Лютнист»

Глава 2
Фига в кармане

В 1638 году английский политик и поэт Джон Мильтон побывал в Тоскане. Там он посетил находящегося под домашним арестом Галилео Галилея. Вернувшись в Англию, в поэме «Потерянный рай» Мильтон написал о Галилее.

…круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда ее в оптическом стекле,
С Вальдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пестром различить
Материки, потоки и хребты.

(перевод Аркадия Штейнберга)

В Британском музее есть картина «Мильтон, посещающий заточенного инквизицией Галилея». Ее написал в 1847 году британский художник Соломон Харт.

На первый взгляд ничего загадочного в картине Харта нет. Справа сидит Галилей, слева входит Мильтон, в центре расположен телескоп. Можно предположить, что контраст яркого света снаружи и полумрака комнаты намекает на то, что в старости и Галилей, и Мильтон потеряют зрение. В целом, нейтральная атмосфера. Но это только на первый взгляд. Если мы обратим внимание на картину на стене, над телескопом, то увидим, что это картина Тициана «Убийство Петра Веронского».

Эта картина переносит нас в 1252 год. В этом году было совершено убийство святого Петра Веронского, инквизитора Ломбардии и ярого борца с ересями. Убийца раскроил ему череп тесаком, поэтому на картинах Петра Веронского изображают либо в момент убийства, либо с кинжалом или тесаком в голове. (Соответственно, молятся Петру Веронскому с просьбами исцелить от мигрени.)

Соломон Харт, «Мильтон, посещающий заточённого инквизицией Галилея»

Убийцей инквизитора был Карино Бальзамо, который позже постригся в монахи, а много лет спустя после смерти был признан блаженным. И теперь на картине Харта вместо нейтральной атмосферы мы видим конфликт между Галилеем и Инквизицией, а также догадываемся, на чьей стороне в этом конфликте художник.

Тициан, «Убийство Петра Веронского»

Конечно же, в поэзии тоже встречаются фиги в кармане. Байрон начинает девятую песню поэмы «Дон Жуан» обращением к Веллингтону. В этом обращении Байрон двумя каламбурами намекает на казнь легендарного маршала Нея, который был осуждён в результате политического процесса.

О, Веллингтон! (иль «Villainton» — двояко
Звучит для Славы сей геройский звук.
Французы даже с именем вояки
Не справились, но шутят без натуг:

Смех битых и побивших — одинаков.)
Ты получил признание заслуг.
Посмей кто твой триумф не чтить вполне —
Восстанут люди, осуждая: «Нет!»

(перевод Александра Шапиро)

Oh, Wellington! (or «Villainton» — for Fame
Sounds the heroic syllables both ways;
France could not even conquer your great name,
But punn'd it down to this facetious phrase —
Beating or beaten she will laugh the same),
You have obtain'd great pensions and much praise:
Glory like yours should any dare gainsay,
Humanity would rise, and thunder «Nay!»

Первая игра слов основана на шутке тех времен. После наполеоновских войн Веллингтон получил должность английского посланника в Париже. Этим англичане лишний раз напомнили французам о поражении, что было несколько бестактно. В ответ остроумные французы прозвали Веллингтона «Villainton», что звучит похоже на фамилию английского полководца, но по-французски означает «дурной тон».

Вторая игра слов посторена на том, что последнее слово этой строфы можно заменить на фамилию маршала. По легенде (вероятно, придуманной самим Байроном) наборщик спросил поэта, как писать последнюю строчку:

Восстанут люди, осуждая: «Нет!»
или
Восстанут люди, осуждая: «Ней!»

В оригинале Байрон обыгрывает английское отрицание «nay» и фамилию маршала Ney.

Одна из самых изящных поэтических эскапад принадлежит перу Артура О'Коннора. Ирландец-националист Артур О'Коннор участвовал в борьбе за независимость от Англии. В 1796 году он отправился в Париж и там уговорил французское революционное правительство помочь войсками ирландским борцам за независимость. Французы отправили на помощь ирландцам флот из 35 кораблей. Но этот флот попал в шторм и не смог

высадить десант в Ирландии. Британские власти узнали об этом и в 1798 году арестовали О'Коннора. В тюрьме он написал покаянное стихотворение.

Красу дворцов и королей
Ценю я выше всех вещей.
Страну люблю, а мой король
Важнейшую играет роль.
Британский королевский стяг
Здесь ждет торжественных присяг.

Хотел бы я изгнать сперва
И Здравый Смысл и Права.
Ничтожен будет и презрен
Чума дворянства — Томас Пейн.
Давно пора спровадить вон
Свободной Франции закон.

(перевод Александра Шапиро)

The pomp of courts, and pride of kings,
I prize above all earthly things;
I love my country, but my king,
Above all men his praise I'll sing.
The royal banners are display'd,
And may success the standard aid:

I fain would banish far from hence
The Rights of Man and Common Sense.
Destruction to that odious name,
The plague of princes, Thomas Paine,
Defeat and ruin seize the cause
Of France, her liberty, and laws.

Это стихотворение было опубликовано в местной ирландской газете. Во многом благодаря этим двум строфам суд вынес О'Коннору оправдательный приговор.

Но хитрый ирландец обвел англичан вокруг пальца. Дело в том, что по его просьбе стихотворение было напечатано в газете в два столбца.

Красу дворцов и королей Хотел бы я изгнать сперва

Ценю я выше всех вещей. И Здравый Смысл и Права.
Страну люблю, а мой король Ничтожен будет и презрен
Важнейшую играет роль. Чума дворянства — Томас Пейн.
Британский королевский стяг Давно пора спровадить вон
Здесь ждет торжественных присяг. Свободной Франции закон.

Ирландцы знали, что покаянным это стихотворение кажется только на первый взгляд. Его подлинный смысл открывается, если вторую строфу записать справа от первой и читать подряд всё, что написано в каждой строке.

Вскоре О'Коннора арестовали снова. Он провёл в тюрьме несколько лет, а потом был депортирован во Францию. Там он начал службу в армии Наполеона, быстро дослужился до генеральского звания, женился на дочери маркиза де Кондорсе и вел активную литературную жизнь.

В стихотворении упоминается американец Томас Пейн — один из выдающихся гуманистов девятнадцатого века, а также два произведения Пейна: памфлет «Здравый смысл» и трактат «Права человека». Эти работы оказали значительное влияние на развитие как ирландской, так и американской борьбы за независимость от Англии. Идеи Пейна нашли отражение в Декларации Независимости и заложили основы либерализма.

Но не у всех заговорщиков против английской короны была такая удача, как у О'Коннора. Одному из них особенно не везло. Он жил в Англии в конце XVI века и исповедовал католицизм. Но ему не повезло — эту религию запретила королева Елизавета. Тогда Тичборн примкнул к заговору против Елизаветы в надежде посадить на престол католичку Марию Стюарт. Но Тичборну не повезло — заговор раскрыли. Многие заговорщики, спасаясь, бежали из Лондона. Но Тичборну опять не повезло — он повредил ногу и не мог сбежать. Его схватили и судили. Ему не повезло в последний раз: его и нескольких других заговорщиков приговорили к самой мучительной казни — четвертованию. Казнь была настолько ужасной, что зрители прониклись сочувствием к заговорщикам. Узнав об этом, власти заменили остальным заговорщикам четвертование на повешение.

За день до казни Чиддэк Тичборн написал стихотворение — элегию из трех строф. Он передал это стихотворение жене вместе с прощальным письмом. Это одна из лучших элегий, когда-либо написанных на английском языке.

Чиддэк Тичборн
Элегия

Мой цвет весны — лишь изморозь хлопот,
Мой пир услад — лишь немощи еда,
Мой сноп зерна — лишь плевел обмолот,
И все блага — лишь тщетная нужда.
Был ярким день, но не распалась мгла,
Вот я живу, вот жизнь моя прошла.

Мой смолк рассказ, хоть не прочитан вслух,
Мой плод упал, хоть листья зелены.
Мой сник задор, хоть не состарен дух,
И мир — в глазах, что миру не видны.
Порвалась нить, хоть пряха не пряла,
Вот я живу, вот жизнь моя прошла.

Я смерть искал — она в утробе ждёт,
Я жить хотел — жизнь это тени след,
Я брел в пыли — в прах лягу в свой черёд,
И вот я мертв, а вот — рождён на свет.
Мой кубок полн, вот — влага истекла,
Вот я живу, вот жизнь моя прошла.

(перевод Александра Шапиро)

Chidiock Tichborne
Elegy

My prime of youth is but a frost of cares,
My feast of joy is but a dish of pain,
My crop of corn is but a field of tares,
And all my good is but vain hope of gain.
The day is past, and yet I saw no sun,
And now I live, and now my life is done.

My tale was heard and yet it was not told,
My fruit is fallen, and yet my leaves are green,
My youth is spent and yet I am not old,

I saw the world and yet I was not seen.
My thread is cut and yet it is not spun,
And now I live, and now my life is done.

I sought my death and found it in my womb,
I looked for life and saw it was a shade,
I trod the earth and knew it was my tomb,
And now I die, and now I was but made.
My glass is full, and now my glass is run,
And now I live, and now my life is done.

Глава 3
Примечания к балладе

В старинной литературе часто встречаются образы, аллюзии и отсылки, которые были знакомы современникам автора, но утратили свою актуальность в наши дни. В идеальном случае все эти моменты собраны и разъяснены в специальном разделе «примечания переводчика». Подобные примечания — важная для понимания и познавательная часть чтения.

Плохо, когда переводчики не удосуживаются составить примечания. И уж совсем безобразно, когда переводчики просто опускают сложные и малоизвестные моменты. В последнем случае может даже измениться восприятие произведения.

В качестве примера прочитаем балладу Сирано де Бержерака из первой части одноименной пьесы Ростана. Вспомним, что в пьесе Сирано перед дуэлью с виконтом де Вальвером говорит, что во время дуэли экспромтом сочинит балладу. Вот она:

Свой фетр отбрасываю вдаль я,
Мой плащ летит ему вдогон,
Затем, поблескивая сталью,
Свой обнажаю эспадон.
Изящный словно Селадон,
Как Скарамуш востёр, решаю
Вам сообщить, мой Мирмидон:
Туше посылку завершает.

(Обмениваются первыми ударами)

Вы зря играете моралью.
Где нанизать Вас, фанфарон?
Пронзить Вам сердце за медалью,
Или подмышку сквозь шеврон?
Гарда забряцала — динь-дон,
Как муха остриё летает,
Я Ваш пощекочу бекон.
Туше посылку завершает.

Осталась рифма мне на -алья.
Да Вы бледны как анемон.

Вот рифма славная: «каналья»!
И Вы полезли на рожон.
Поспешный выпад возвращен,
И рифм, и строчек мне хватает.
Крутите вертел, Ларидон!
Туше посылку завершает.

(Торжественно произносит)

Посылка
Мой принц, Всевышнему поклон!
Из кварты лезвие сверкает,
Вот финт, удар…
(Делает выпад)
…и дух Ваш вон!

(Виконт шатается; Сирано салютует)

Туше посылку завершает.

(перевод Александра Шапиро)

Первое примечание к этой балладе должно рассказать про то, что такое баллада. Не только о самой стихотворной форме, мол, баллада это три восьмистишия с рифмовкой АБАБ + БВБВ и четверостишие с рифмовкой БВБВ в конце, которое называется «посылка», плюс общая последняя строка у всех. Но почему у Ростана именно баллада, а не какая-нибудь другая форма французской старинной поэзии. Благо, форм таких много: рондель, ритурнель, лэ, вирелэ, триолет и прочие. Дело в том, что изначально баллады писались на поэтических состязаниях. Эта форма лучше всего подходит для дуэли: так Сирано показывает свое превосходство не только в бою, но и в искусстве.

Отметим, что в начале посылки Сирано обращается к виконту словами «мой принц». Это стандартное начало посылки — так поэты, участвовавшие в поэтических турнирах, обращались к аристократам, устраивавшим эти состязания. К примеру, вот так заканчивается «Баллада о дамах былых времен» Франсуа Вийона, мастера этого жанра:

Принц, не придумано аркана,
Чтоб задержать мгновений бег.
К чему ж крушиться постоянно:

«Где ныне прошлогодний снег?»

А так заканчивает Вийон «Балладу о парижанках»:

Принц, красноречье парижанки
Так велико, что не сравнишь
С ним говорливость чужестранки:
Всех на язык бойчей Париж.

Второе примечание к балладе Сирано должно объяснить фехтовальные термины, которых там в избытке. К примеру, чем фехтовал Сирано? Что это за штука такая — эспадон? Надо пояснить, что это не эспадрон, который выглядит так.

Эспадрон

Такие эспадроны было весьма популярны в британской армии в 1790—1820 годах. Оружие удобное, им можно и рубить, и колоть. Но Сирано им фехтовать не мог, поскольку во время действия пьесы, в 1640 году, такого оружия еще не было. А словом espadon тогда называли большой двуручный меч.

Эспадон

Такими мечами-эспадонами в Средние Века вооружали небольшой отряд рослых и сильных солдат. Их задачей было, размахивая огромными мечами, разрушать построения копейщиков. Но фехтовать таким мечом совершенно невозможно. И Сирано иронично называет свою шпагу огромным мечом.

Оставшиеся фехтовальные термины более знакомы: туше — попадание, гарда — защищающая руку часть эфеса, кварта — одна из основных позиций в фехтовании.

И, наконец, последнее примечание к балладе Сирано должно рассказывать о тех четырех литературных персонажах, которых Сирано упоминает. Первым назван Селадон. Так звали томящегося от любви пастуха в пасторальном французском романе «Астрея». Роман написан в 1607—1627 годах, и для героев пьесы это вполне современная литература. В романе Селадон носит светло-зеленую одежду — позже словом «селадон» назовут и этот цвет, и керамику такого цвета. А в русской литературе имя Селадон стало обозначать ухажера. Четырнадцатилетний Пушкин написал шутливое стихотворении «К Наталье»:

Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Второй персонаж, которого упоминает Сирано, это задира-Скарамуш — так во Франции называют персонажа итальянской комедии масок Скарамуччу. Сам Карло Гольдони, когда выступал

в комедии масок, играл Скарамуччу. Любопытно, что английское слово skirmish (стычка, схватка) происходит от итальянского слова scaramuccia.

Третьим упомянут Мирмидон. По-гречески это слово означает «муравей». В греческой мифологии Зевс в образе муравья зачал Мирмидона, от которого произошло племя мирмидонян. Во Франции (а потом и в России) словом «мирмидон» называют ничтожного, но надменного человека.

Имя четвертого персонажа — Ларидон. Вернее, не имя, а кличка. Многие века в тавернах готовили мясо на вертелах, а для того, чтобы вращать вертел использовали простой механизм: цилиндр, соединенный с вертелом. В цилиндр сажали собаку, а она его вращала. В басне Лафонтена «Воспитание» говорится о двух щенках из одного помета. Одного звали Цезарь, и он стал храброй охотничьей собакой. А второго звали Ларидон, и он крутил вертел в таверне. Здесь Ростан допустил небольшую неточность: басню Лафонтен написал в 1678 году, а события пьесы происходят в 1640.

К сожалению, качественные переводы поэзии редки. Самый распространенный русский перевод «Сирано де Бержерака» сделан Щепкиной-Куперник. Чтобы оценить качество этого перевода, достаточно прочитать балладу Сирано и увидеть, что из нее исчезли Селадон, Скарамуш, Мирмидон, Ларидон, туше, кварта, эспадон и даже не сохранилась схема рифмовки. А Сирано у Щепкиной-Куперник превратился из язвительного интеллектуала в нагловатого хама.

Je jette avec grâce mon feutre,
Je fais lentement l’abandon
Du grand manteau qui me calfeutre,
Et je tire mon espadon,
Élégant comme Céladon,
Agile comme Scaramouche,
Je vous préviens, cher Mirmydon,
Qu’à la fin de l’envoi, je touche!
Premiers engagements de fer.

Vous auriez bien dû rester neutre;
Où vais-je vous larder, dindon?…
Dans le flanc, sous votre maheutre?…
Au cœur, sous votre bleu cordon?…

— Les coquilles tintent, ding-don!
Ma pointe voltige: une mouche!
Décidément… c'est au bedon,
Qu'à la fin de l'envoi, je touche.

Il me manque une rime en eutre…
Vous rompez, plus blanc qu'amidon?
C'est pour me fournir le mot pleutre!
— Tac! je pare la pointe dont
Vous espériez me faire don: —
J'ouvre la ligne, — je la bouche…
Tiens bien ta broche, Laridon!
À la fin de l'envoi, je touche
Il annonce solennellement

ENVOI
Prince, demande à Dieu pardon!
Je quarte du pied, j'escarmouche,
je coupe, je feinte…
Se fendant.
Hé! là donc
Le vicomte chancelle; Cyrano salue.
À la fin de l'envoi, je touche.

Глава 4
Необычные размеры

А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей

Пушкин, «Пир во время чумы»

Английский поэт XVII века Роберт Херрик написал очень необычное стихотворение.

Роберт Херрик
Вакхические строфы

Вот наш
Мёд чаш
Ты лей в рот так.
Но пролил
Ты
И плох тот знак.

Тут мы
Умны:
Твой мозг впал в сон.
Раз искры
Нет,
Уходи вон.

(перевод Александра Шапиро)

Robert Herrick
A Bachanalian Verse

Drinke up
Your Cup,
But not spill Wine;
For if you
Do,
Tis an ill signe;

That we
Foresee,

You are cloy'd here,
If so, no
Hoe,
But avoid here.

Основная идея этого стихотворения состоит в том, что стихотворные размеры ямб и хорей, хотя и редко, но можно перепутать. Обычно эти строки читают ямбом — с ударениями на чётные слоги. Но дойдя до последней строки, читатель запинается о слово «уходи», которое никак не укладывается в размер. И только тогда становится понятно, что стихотворение написано хореем, а читать его надо с ударениями на нечётные слоги. А эксцентричный Роберт Херрик как раз хотел, чтобы внимательному и неленивому читателю это стихотворение пришлось читать дважды.

Ещё одной любопытной деталью «Вакхических строф» Херрика является то, что каждая строфа имеет форму бокала.

Иногда в ямбе или хорее на один из ударных слогов ударение всё же не падает. Такой пропуск ударения называется «пиррихий». Он делает ритм стихотворения разнообразнее.

Интересно появление пиррихия в русском стихосложении. Выдающийся филолог Максим Шапир заметил, что реформатор русской поэзии Михаил Васильевич Ломоносов долгое время считал стихи с пиррихием неправильными. Ломоносов полагал подобный пропуск ударения недостатком и до 1741 года в его стихах пиррихий встречался крайне редко. Но в 1741 году на российский престол взошла императрица Елизавета Петровна. Ломоносов посвятил Елизавете несколько од, в которых, естественно, упоминал имя императрицы.

В пятисложном имени Елизавета ударение приходится на четвертый слог. Соответственно, если в стихотворение упомянуть это имя, то обязательно появится пиррихий. И после 1741 года пиррихий в стихах Ломоносова стал встречаться в 10 раз чаще. Получается, что разнообразие ритмических рисунков в русской классической поэзии отчасти вызвано тем, что Пётр Первый выбрал для своей дочери имя Елизавета.

Вот так у Ломоносова выглядит 42-я строфа в «Оде на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы

Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации»

Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ Твой.
Что ж будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:
«Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета — совершенство».

Многие знают и любят стихотворение Лермонтова «Горные вершины».

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Эти строки написаны в качестве перевода стихотворения Иоганна Вольфганга фон Гёте «Ночная песня странника». Почти все стихотворения Гёте написаны строгими классическими размерами. Чуть ли не единственное исключение — «Ночная песня странника». Эти строки описывают очень тонкие ощущения. И для того, чтобы передать их, классик немецкой поэзии использует уникальный ритмический рисунок.

Иоганн Вольфганг фон Гёте
Ночная песня странника

Над любой вершиной
Покой,
Меж крон единый
Вздох такой,
Что еле внемлешь;
И птахи умолкли средь бора.

Жди лишь и скоро
Тоже задремлешь.

(перевод Александра Шапиро)

Johann Wolfgang von Goethe
Wanderers Nachtlied

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

У британцев есть поговорка: «The devil is in the details». Дословно она означает «Дьявол — в деталях». А смысл её в том, что мелочи крайне важны. Важны они и для переводчика.

Откуда взялось имя Воланд? Это одно из средневековых немецких имен дьявола и Гёте упоминает это имя в «Фаусте». Но если мы откроем любой из основных переводов «Фауста», то не увидим там этого имени. Откуда же Булгаков узнал о нем? Скорее всего, Булгаков увидел его в прозаическом пересказе «Фауста», сделанном Александром Лукичом Соколовским в 1902 году. К сожалению, это единственный перевод «Фауста» на русский язык, в котором имя Воланд не было выброшено из текста. А причина такой невнимательности со стороны переводчиков состоит в том, что у диалога, в котором встречается имя Воланд, сложный напряжённый ритм. Поэтому переводчики просто халтурили и упрощали текст. А вот другое имя дьявола — Уриэль — встречается в очень простом месте, поэтому оно есть во всех переводах без исключения. Перевести этот диалог можно, причём, и в рифму, и с сохранением ритма оригинала. Итак, вальпургиева ночь. Мефистофель и Фауст поднимаются на гору Брокен сквозь толпу ведьм.

Мефистофель

Толкая, бьют; шепча, гогочут!
Шипя, метут; таща, бормочут!

Дурачат, светятся, смердят!
Исконный ведьминский уклад!
За мной пролезь! А то нас разлучат.
Ну, где ты?

Фауст (издали)

Здесь!

Мефистофель

Уже заинтригован?
Вступлю в права владельца снова:
Вельможный Воланд здесь! Дорогу, милый сброд!
Хватайся, доктор! Тотчас без хлопот
Покинем мы столпотворенье;
Здесь даже мне в избытке исступленья.
Вон, что-то вспыхнуло особенным огнём,
И в те кусты зовёт свеченьем.
Мы проскользнём туда. Идём!

(перевод Александра Шапиро)

Mephistopheles

Das drängt und stößt, das ruscht und klappert!
Das zischt und quirlt, das zieht und plappert!
Das leuchtet, sprüht und stinkt und brennt!
Ein wahres Hexenelement!
Nur fest an mir! sonst sind wir gleich getrennt.
Wo bist du?

Faust (in der Ferne)

Hier!

Mephistopheles

Was! dort schon hingerissen?
Da werd ich Hausrecht brauchen müssen.
Platz! Junker Voland kommt. Platz! süßer Pöbel, Platz!
Hier, Doktor, fasse mich! und nun, in einem Satz,
Laß uns aus dem Gedräng entweichen;
Es ist zu toll, sogar für meinesgleichen.

Dortneben leuchtet was mit ganz besondrem Schein,
Es zieht mich was nach jenen Sträuchen.
Komm, komm! wir schlupfen da hinein.

В опере Римского-Корсакова «Садко» одна часть начинается словами «Уж ты Сад-Садко, пригожий молодец». Эта часть написана довольно экзотическим музыкальным размером — одиннадцать четвертей. Во время первых репетиций оперы хор никак не мог спеть это сложное место. Смекалистый дирижёр на время репетиций поменял первые слова на фразу «Римский-Корсаков совсем с ума сошёл». Дирижёр этим облегчил жизнь не только своему хору, но и многим поколениям российских певцов и музыкантов, которые с тех пор разучивают произведения размера одиннадцать четвертей с помощью этой фразы.

В поэзии тоже иногда встречается необычный ритм. Среди английских поэтов одним из выдающихся мастеров ритмического рисунка был Уистан Хью Оден.

Стихотворение Одена «На закате Рима» довольно динамичное. Оно похоже на движение кинокамеры, которое начинается в провинции — движется к Вечному Городу — показывает его — поднимается над ним — и уносится вдаль. При этом начало и середина стихотворения написаны рваным ритмом, но в конце размер становится строгим и классическим. К тому же, каждая из первых пяти строф состоит из двух контрастирующих частей, а две последние строфы — цельны. С помощью этих приёмов Оден исключительно тонко передаёт, что первой части свойственен разлад, а второй — гармония.

Уистан Хью Оден
На закате Рима

Волна по сходням сильно бьёт,
Хлещет дождь вагонный хлам.
Есть в горах пещеры, там
Соберётся всякий сброд.

Наряды множатся, безвкусны;
Тех преследует фискал,
Кто всех налогов не отдал,
По катакомбам захолустным.

Вгонит таинства обет
Всех проституток храма в сон;

Кто пограмотнее, он
Друга выдумал себе.

Катон в затейливых словах
Пусть хвалит древние труды,
Но для платы и еды
Поднят бунт на кораблях.

В ложе Цезаря тепло.
Мелкий клерк запишет так
В розовый конторский бланк:
«К чёрту это ремесло!»

Ни богатства, ни укора
Нет у красноногих птиц,
Гревших крапинки яиц,
На гриппозный глядя город.

А в совсем другой стране
Мчит оленьих стад река,
Золотые мили мха
Пробегая в тишине.

(перевод Александра Шапиро)

Wystan Hugh Auden
The Fall of Rome

The piers are pummeled by the waves;
In a lonely field the rain
Lashes an abandoned train;
Outlaws fill the mountain caves.

Fantastic grow the evening gowns;
Agents of the Fisc pursue
Absconding tax-defaulters through
The sewers of provincial towns.

Private rites of magic send
The temple prostitutes to sleep;
All the literati keep
An imaginary friend.

Cerebrotonic Cato may

Extol the Ancient Disciplines,
But the muscle-bound Marines
Mutiny for food and pay.

Caesar's double-bed is warm
As an unimportant clerk
Writes I DO NOT LIKE MY WORK
On a pink official form.

Unendowed with wealth or pity
Little birds with scarlet legs,
Sitting on their speckled eggs,
Eye each flu-infected city.

Altogether elsewhere, vast
Herds of reindeer move across
Miles and miles of golden moss,
Silently and very fast.

Заключение

Как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево

Иосиф Бродский

Йозеф Мор был пастором в церкви святого Николая в немецком городке Оберндорф. 24 декабря 1818 года, в сочельник, он обнаружил, что мыши прогрызли мехи органа местной церкви. Это означало, что завтра хор не сможет исполнить рождественские песни. Тогда огорченный пастор вспомнил об одном своем рождественском стихотворении, которое он написал два года назад. Он пришел к местному органисту и учителю музыки Францу Груберу и попросил его придумать простую мелодию, чтобы можно было исполнить это стихотворение а капелла или под гитару. Так была написана песня «Тихая ночь», ставшая одной из самых популярных рождественских песен в мире и переведенная на 130 языков.

Спустя 96 лет, во время Первой Мировой войны возле бельгийского городка Ипра немецкие солдаты отмечали Рождество. Они украсили свечами деревья и запели:

Stille Nacht, heilige Nacht!
Alles schläft, einsam wacht
Nur das traute hochheilige Paar,
Holder Knabe mit lockigem Haar,
Schlaf in himmlischer Ruh,
Schlaf in himmlischer Ruh.

Эту мелодию узнали английские солдаты и через узкую линию фронта донеслось:

Silent night, holy night,
All is calm, all is bright
Round yon virgin mother and Child.
Holy Infant, so tender and mild,
Sleep in heavenly peace,
Sleep in heavenly peace.

Перевод:

Тишь и покой ночью святой.

И в тишине пред святою четой
В яслях дивный младенец лежит,
Кудри свои разметал Он и спит,
Спит в небесной тиши,
Спит в небесной тиши.

(переводчик неизвестен)

Так началось «Рождественское перемирие». Немецкие и английские солдаты сперва выкрикивали рождественские поздравления, а потом предложили друг другу встретиться на нейтральной полосе. Они встретились, и обменялись скромными подарками. Но война, увы, продолжилась. Через четыре месяца возле Ипра немецкая армия применила химическое оружие. Это был горчичный газ, который потом назвали по городу — ипритом. Многие английские солдаты погибли, но некоторые выжили. У одного из выживших солдат была неизлечимая опухоль. После войны он вернулся в Великобританию и пришел к своему врачу на обследование. Врач обнаружил, что солдат здоров. Так была открыта химиотерапия.

Во время встречи на нейтральной полосе солдаты прочитали вместе слова из 23-го Псалма:

На пастбищах травянистых Он укладывает меня, на воды тихие приводит меня. Душу мою оживляет, ведет меня путями справедливости ради имени Своего. Даже если иду долиной тьмы — не устрашусь зла, ибо Ты со мной;

От автора

Уважаемый читатель!

Эта книга бесплатна. Если она Вам понравилась, то порекомендуйте её своим друзьям и знакомым и пришлите им ссылку на неё или файл. Чем больше люди будут понимать и любить искусство, тем лучше будет мир вокруг нас.

Если Вы хотите написать автору, то можете прислать мейл на адрес alexander_shapiro@yahoo.com

Искренне Ваш,
Александр Шапиро